

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Из истории Эль-Сиды
Реверте сделал шедевр.
ABC Cutural

ЭЛЬ
СИДА

ИЛИ
РЫЦАРЬ БЕЗ КОРОЛЯ

Большой роман

Артурос Перес-Реверте

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Эль-Сид, или Рыцарь без короля / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-19062-7

Впервые на русском – новейший роман прославленного Артуро Переса-Реверте, автора таких международных бестселлеров, как «Фламандская доска», «Клуб Дюма» (литературная основа «Девятых врат» Романа Полански с Джонни Деппом), семитомные приключения капитана Алатристе (экранизация с Виго Мортенсеном) и т. д. «Реверте снова изобрел новый жанр, на этот раз – средневекового вестерна», – писала газета El Mundo, а в ABC Cultural выразились еще категоричнее: «Из истории Эль-Сиды Реверте сделал шедевр». Да, главный персонаж этой книги – кастильский дворянин Родриго Диас де Вивар, более известный как Эль-Сид Кампеадор («Победитель»), герой средневековой «Песни о моем Сиде» и трагедии «Сид» великого французского драматурга Пьера Корнеля, а также многочисленных народных преданий и романсов. С горсткой верных людей изгнанный из родной Кастилии, бывший главнокомандующий поступает на службу к эмиру Сарагосы, воюет с Рамоном Братоубийцей, графом Барселонским, и отражает вторжение жестоких альморавидов, неизменно отправляя кастильскому королю Альфонсо положенную вассальным долгом долью военной добычи и тоску по оставленной в Кастилии жене донье Химене. Еще при жизни Сид (от арабского «сиди» – «господин») приобрел легендарные черты и считался эталоном отважного рыцаря, воевавшего как с христианскими тиранами, так и с мавританскими... «„Эль-Сид“ – не просто образцовый исторический роман, но великолепная книга вообще говоря, без каких-либо жанровых ограничений. Приготовьтесь в ней потеряться» (ABC).

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-19062-7

© Перес-Реверте А., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Часть первая. Поход	7
I	7
II	13
III	21
IV	27
V	36
VI	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Артуро Перес-Реверте

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

Arturo Pérez-Reverte
Sidi

© 2019, Arturo y Carlota Pérez-Reverte

© А. С. Богдановский, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Посвящаю Альберто Монтанеру – неизбежно

«Эль-Сид» – это роман, а не документальное повествование, и потому я по своей воле соединил в нем историческую действительность, легенду и вымысел. И когда повествование того требует, реальные события – такие, как изгнание Сиды или битвы при Альменаре и под Теваром, – порой описываются иначе, порой сливаются воедино. Это же самое происходит с героями – как с историческими личностями, так и с теми, кого породило авторское воображение. Испанская традиция богата на Рыцв Диасов. Этот – мой.

*Суть зверских тех времен, венчанных лавром,
Непостижима тем, кто в них не жил:
Чем больше глоток перерезал маврам,
Тем ревностней ты Господу служил.*

*Поведать собираясь без прикрас
О временах сплошных кровопролитий,
Заранее предупреждаю вас:
Вы не меня – историю хулите.*

Хосе де Соррилья. Легенда о Сиде

*Иных людей помнят дольше, чем целые народы.
Элизабет Смарт*

Часть первая. Поход

I

С гребня горной гряды, козырьком приставив ладонь под обрез шлема, всматривался в даль усталый всадник. В отвесных лучах солнца воздух подрагивал и зыбился, делаясь почти осязаемо плотным. Посреди изжелта-белесой долины виднелось маленькое бурое пятно монастыря Сан-Эрнан, откуда восходил к небесам столб дыма. Нет, не из-за укрепленных стен обители, но откуда-то рядом с ними – из монастырского амбара или конюшни.

– Неужто братия еще отбивается? – подумал всадник.

И, дернув повод, повернул коня, начал спуск по склону. Монахи обители Сан-Эрнан, размышлял он, внимательно следя, куда конь ставит ногу, люди крутого замеса, вояки и бойцы. Иначе бы и не выжили здесь, возле единственного в округе источника хорошей воды, на пути у мавров, которые издавна приходят сюда с юга в поисках добычи – скота, рабов и женщин.

Победят святые отцы или погибнут, в любом случае – когда мы подоспеем, все уже будет кончено.

Воины его, спешившись, чтобы понапрасну не утомлять коней, ожидали у подножья: после долгого перехода восемь тяжело навьюченных мулов и сорок два всадника, одетых в железо и кожу, с копьями, притороченными у седла справа, были густо запорошены пылью, – смешавшись с потом, она застыла на бородатых лицах непроницаемыми серыми масками так, что на виду остались только воспаленные глаза и губы.

– Пол-лиги¹, – сказал всадник.

Не дожидаясь приказа, молчаливые, как всегда, воины сели в седла, вдели ноги в стремена, поерзали, поудобнее примаскивая усталые тела. Предводитель тронул шпорами своего коня, выехал вперед, и тотчас у него за спиной зацокали копыта по каменистой земле, закрипела седельная кожа, зазвенело оружие о железо кольчуг – отряд со щитами за спиной не очень стройной вереницей двинулся следом.

Когда добрались до Сан-Эрнана, солнце уже миновало зенит.

Воины, покачиваясь в седлах в такт лошадиному шагу, ехали медленно. Еще потрескивали, пробегая по дымящимся, обугленным доскам амбара, последние язычки пламени. В двадцати шагах от пожарища высились каменные стены и купол нетронутого огнем монастыря. Первое, что увидели всадники, приближаясь, был крест на невысокой колокольне – и все молча приняли это к сведению. Ибо всякому известно: мавры прежде всего сшибают кресты.

Тем не менее последний отрезок пути воины проделали развернувшись в боевой порядок, озирая местность пустыми, ничего не выражающими, однако очень внимательными глазами: перекинули копыта поперек седла, надели щиты на руку и приготовились к отпору, если противник притаился где-нибудь и решил дожидаться темноты. Недаром же старинная поговорка гласит: «Кто насторожен – тот вооружен».

А то, что мавров не видно, совсем не значит, что тебя не видят они.

Когда подъехали к воротам, помещавшимся с северной стороны стены, их уже ждали монахи – человек двенадцать. Тонкие, сквозящие сутаны перепачканы землей и копотью, в руках – мечи и круглые щиты. Один, молодой и рыжий, держал арбалет, а за пояс были заткнуты три стрелы.

¹ Испанская лига – мера длины, равная 5,5 км.

Вперед выступил настоятель. Длинная борода с нитями седины, усталые глаза. Загорелая лысина, избавлявшая от необходимости выбривать тонзуру. Без особой приязни он взглянул на командира. И сказал суховато:

– Наконец-то пожаловали.

Командир в ответ лишь пожал плечами, обтянутыми кольчугой. Поглядел туда, где у подножья крепостной стены в тени, с каждой минутой становившейся все обширней, лежали два закрытых рядом тела.

– Это наши, – сказал настоятель. – Брат Педро и брат Мартин. Работали на огороде и не успели укрыться за стенами.

– У мавров убитые есть?

– Вон там.

Он отступил на несколько шагов; всадник, бросив поводья, тронул коня следом. У восточной стены на охапке сухой колючей травы – три трупа в бурнусах. Всадник с высоты седла оглядел их – у одного разматываясь чалма открывала глубоко разрубленный лоб. Второй лежал ничком, так что не поймешь, куда он был ранен. Третий – на спине, остекленевшие глаза полуоткрыты, в груди арбалетная стрела. От зноя тела уже начали чернеть и раздуваться. Кровь почти свернулась, и над ними с назойливым гудом вился остервенелый мушиный рой.

– Попытались с этой стороны пойти на приступ. Думали, легче будет – тут стена ниже.

– Сколько их было?

– Десятка три, если не больше. Напали на заре, чуть свет, когда двое братьев вышли в огород... Хотели их взять живыми и прорваться внутрь, но наши криком оповестили нас. Ну, те их убили и все утро лезли на стены.

– Давно убрались?

– Недавно. – Настоятель окинул взглядом верховых, которые стояли чуть поодаль, разговаривая с монахами. – Может быть, заметили вас, а может быть, и нет. Так или иначе – сгинули.

Всадник пригладил бороду. Он размышлял, разглядывая уходившие к западу следы копыт – кованых и многочисленных. Аббат снизу вверх пытливо смотрел на него, заслоняясь ладонью от бившего в глаза солнца.

– Пойдете в погоню?

– Разумеется.

– Они уже далеко ушли.

– Спешить не надо. Такие дела делаются медленно. А мои люди устали.

Лицо настоятеля чуть смягчилось.

– Можем дать вам воды и немного вина... Хлеба не пекли, но остался третьёводнишний.

Сало есть, говядина вяленая.

– Удовольствуемся этим.

Они вернулись к остальным. Настоятель шел у стремени всадника, который сделал знак своему помощнику, оставшемуся впереди отряда – краснолицему, широкому в плечах и в поясе, в изношенной серой накидке поверх лат, – а тот в свою очередь отдал безмолвный приказ спешиться. Воины, спрыгнув с коней, стали разминать затекшие ноги, отряхиваться от пыли, сняли шлемы, раскалившиеся на солнце, хоть и были изнутри обтянуты тканью.

– Откуда путь держите? – осведомился настоятель.

Командир тоже слез с седла. Перебросил поводья через голову коня, слегка потрепал его по шее. Потом снял шлем. Кольчужный капюшон у него был откинут на спину, но коротко остриженные волосы под бурым полотняным подшлемником слиплись от пота.

– Нас подрядили преследовать мавританский отряд. Вот мы и преследуем.

– Это все ваши люди?

– Нет, в Агорбе есть еще бойцы и обоз. Но маврами занимаются лишь те, кто перед вами.

Аббат показал на запад:

– Там появились новые поселения. Опасаюсь за жителей.

Командир взглянул в ту сторону. Потом стянул подшлемник, вытер им мокрый лоб и снова пожал плечами:

– Так помолитесь за них, святой отец. Помолитесь, чтоб беда их обошла стороной.

– А вы?

– Всему свой черед.

Аббат окинул его взглядом внимательным и оценивающим:

– Вы еще не сказали, как вас зовут, сеньор рыцарь.

– Руй Диас.

Монах оторопело заморгал. Имя произвело на него впечатление.

– Из Вивара?

– Из Вивара.

Когда смерклось, разбили бивак чуть западнее обители, в расселинах и ложбинах, позволявших развести костры и не бояться, что будет заметно издали.

Коней расседлали, разнуздали, стреножили, а сами, расстелив плащи, повалились на землю поесть и выпить разбавленного вина. Трапеза проходила почти в полном молчании: все были слишком утомлены, чтобы вести беседы. Оружие держали под рукой. Двое дозорных, повесив на шею сигнальные рожки, разъезжали вокруг маленького лагеря. Силуэты их медленно скользили во тьме под звездами, и время от времени хрустел песок под копытами лошадей.

Подошел помощник – краснолицый и дюжий здоровяк. Прозвище его было Минайя, а христианское имя – Альвар Фаньес. Пламя ближайшего костра высветило его кряжистую, плотную фигуру. Заиграло бликами на крестообразной рукояти кинжала у пояса. От Минайи, как и от всех, пахло потом, железом, кожей. Оспа и вражеские клинки оставили свои следы на лице, которому сейчас, без шлема и кольчужного капюшона, будто чего-то недоставало.

– Чего надумал?

– Пока что ничего.

Не размыкая губ, потому что оба слишком хорошо знали, с кем имеют дело, они спокойно смотрели друг на друга: Минайя – присев на корточки, командир – полулежа и привалившись спиной к седлу и переметным сумамам. Оба словно застыли в неподвижности. Красноватые отблески метались по бородастым лицам, то выхватывая их из тьмы, то вновь пряча.

– Они тем временем много черных дел натворят, – сказал наконец Минайя.

– Засуетишься – пропадешь.

Минайя, мгновенье подумав, кивнул:

– Это так.

Руй Диас оторвал волоконец вяленого мяса, принялся усердно жевать, размалывая его зубами, чтоб хоть немного размягчить. Другое предложил Минайе, но тот мотнул головой:

– Аббат сказал, что дальше, по пути к сьерре, появились четыре новых поселения.

Оба взглянули на своих людей, разлегшихся вокруг костров. Среди них был и укрывшийся попоной монах. Тот самый рыжий, что отстреливался от мавров из арбалета со стен Сан-Эрнана. Настоятель поручил ему сопровождать отряд, благо молод и знает здешние места. Мог сгодиться и в качестве духовного поводыря. А следовал он за ними верхом на муле, приторчив арбалет к седлу.

– Небось там и женщины, и дети...

– Куда ж без них, – пожал плечами Минайя.

– Худо дело.

– Да уж, клянусь честным крестом... Хуже некуда.

Руй Диас принялся мысленно раскладывать дни, дороги, суточные переходы, прикидывать возможности и вероятия. Доска, на которой играют в такие шахматы, – это пустоши, это безводье, скалы, знойные дни и студёные ночи. По слухам, неделю назад мавры большими силами прошли между рекой Гуадамьель и Сьерра-дель-Худио – иначе говоря, вторглись в обширное, граничащее с христианской Кастилией и мусульманскими королевствами ничейное пространство, где осели неимущие отчаянные люди – поселенцы-христиане, бежавшие от нищеты, семьи мосарабов², пришедшие с юга, разномастные ловцы удачи – осели, принялись разводить скотину, возделывать черствую скудную землю, одной рукой держась за рукоятку плуга, а другой – за рукоять меча; спали вполглаза и жили – покуда живется – со страхом в душе и с Господним именем на устах.

– Горожане Агорбе заплатили нам за то, чтобы мы охотились на мавров... – заметил Минайя.

– А мы и охотимся. Но я не собираюсь понапрасну мучить ни людей, ни лошадей. Шесть лиг в день – не больше. Ну ладно – шесть-семь, если уж очень припрет.

– Чем позже мы нагоним мавров, тем хуже будет.

– Для кого?

– Для поселенцев.

– Взгляни на это с другой стороны. Чем позже настигнем, тем больше добычи у них будет и, значит, тем медленней они будут двигаться... С женщинами, рабами и скотиной особо-то не разгонишься.

Минайя улыбнулся. Потом, повернувшись, сплюнул в костер и снова улыбнулся:

– Черт возьми! Это ты дельно придумал.

– Более или менее.

– Прежде чем колоть кабанчика, его надо откормить.

– Ну да, что-то в этом роде. И тогда получишь колбасу, хамон и жаркое из требухи.

Минайя взглянул на монашка:

– Рыжему лучше этого не говорить. Он и так все время спрашивает, отчего мы не шпорим коней.

– Можешь сказать ему правду – но не всю. Скажи, что в таких делах спешить не надо, не то понапрасну измотаешь людей или угодишь в засаду. Обо всем прочем – молчи.

Собеседники, привстав и насторожившись, взглянули туда, где в этот миг на краю лощины послышалось конское ржанье, посыпались камни. Но тут же раздался успокаивающий голос дозорного, – вероятно, его лошадь оступилась в темноте.

– Мы и не поговорили толком с тех пор, как выехали из Бургоса, – сказал Минайя.

– Отчего же... Поговорили. О многом.

– Не обо всем.

Молчание длилось, пока Руй Диас не разделался с ломтем вяленого мяса. Минайя все так же смотрел на пламя, от которого оспины на загорелом лице обозначились явственней.

– Они ведь последовали за тобой в изгнание. О нас, о родне твоей, речи нет: куда ты, туда и мы. Однако перед остальными ты в долгу. Должен хотя бы поблагодарить. Но минуло уже две недели, а ты слова им не сказал. – Он повел рукой, показывая на бесформенные очертания фигур вокруг костров. – Я думаю, они ждут от тебя этого самого слова.

– Какого слова?

– Не знаю. Какого-нибудь. Такого, чтоб за душу взяло.

Руй Диас поковырял в зубах:

– Когда они пошли за мной, знали, что делают.

² *Мосарабы* – собирательное название для христиан, проживавших на тех территориях Пиренейского полуострова, которые находились под властью мусульман.

– Их ведь никто не принуждал. Пошли за твоим именем и твоей славой. Не забывай этого.
– Я и не забываю.

Руй Диас завернул остаток мяса в тряпицу и сунул его в седельную суму.

– А ты, Минайя? Ты почему пошел?

– Скучно мне стало в Бургосе, – прозвучал в ответ отрывистый сухой смешок. – А я с детства усвоил: тому, кто с тобой поведется, уж что-то, а скучно не будет. – Он помолчал мгновение, словно в задумчивости, и снова рассмеялся. На этот раз – громче. И дольше.

– Ты чему смеешься, Минайя?

– Да вспомнил лицо Альфонсо в Санта-Гадее... Когда ты этак торжественно взошел по трем ступеням к алтарю, взялся за рукоять меча и велел королю поклониться... Помнишь?

– Еще бы не помнить. И мне, и ему.

– Все эти чванливые отпрыски знатных родов, цвет рыцарства Леона и Кастилии, зароптали тогда – но еле слышно, себе под нос. Ибо только ты один осмелился возвысить свой голос и сказать вслух то, о чем думали все.

Руй Диас подобрал с земли сухую ветку и бросил ее в костер.

– Обошлось мне это, как ты знаешь, недешево.

– Но ведь иначе ты поступить не мог, так ведь?

– Ты о чем?

– О том, что по твоей милости король сгорел со стыда. Клянусь телом Христовым, такое бывает не каждый день! Впрочем, ты с колыбели был отчаянным малым.

– Ладно тебе... Ложись спать. Завтра у нас долгий переход.

Минайя поднялся, потирая поясницу. Потом зевнул, рискуя вывихнуть себе челюсть.

– Доброй ночи, Руй. Храни тебя Господь.

– Доброй ночи.

Беззвучно шевеля губами, он читал молитвы – сперва «Отче наш», потом «Богородице», – не оставив в небрежении ни Мать, ни Сына. При его образе жизни да еще в нынешних обстоятельствах лучше засыпать, очистив душу молитвой и приведя в порядок дела. Затем перекрестился, убедился, что меч с кинжалом лежат под рукой, укутался в плащ, половчее пристроил голову на седло и вытянулся, глядя в звездное небо. Догорали костры, храпели на разные голоса дружинники. Снова донеслось ржание. Над становищем на черном куполе небес очень медленно вращались вокруг Полярной звезды мириады других звезд, и над темными закраинами лощины уже повис колчан Ориона-охотника.

«Заставил короля сгореть от стыда», – сказал Минайя. Вот потому он и оказался сейчас здесь.

Припомнить это нетрудно, подумал Руй Диас, особенно в такую вот ночь, под теми же небесами, которые смотрят сейчас и на него, и на монастырь Сан-Педро-де-Карденья, – в двух неделях пути, и путь этот с каждым днем все длиннее, – где нашли приют его жена и дочери, а денег на их содержание, между прочим, хватит только на полгода.

Припомнить нетрудно, продолжал размышлять он, лежа рядом с теми, кто последовал за ним в изгнание. Одних, как заметил Минайя, понудил к этому родственник: это его племянники – Фелес Гормас и заика Педро Бермудес, знаменосец. Оба Альвара тоже состоят с ним в дальнем родстве. Остальные – вассалы дома Виваров, давние и близкие друзья вроде Диего Ордоньеса, либо искатели приключений, примкнувшие к нему для пропитания, ради добычи или потому, что восхищались Руем Диасом и были уверены, что, раз уж ему не досталось христианского королевства, он свое возьмет в набегах на мавританские земли.

Здесь с ним были сорок два – самых лучших, самых отборных, – а еще пятьдесят пять человек он оставил в Агорбе под командой двух испытанных друзей – Мартина Антолинеса и Йенего Тельеса – охранять небогатый обоз. И больше у него никого не было.

И совсем нетрудно, если уж на то пошло, припомнить, как побагровел от ярости король Кастилии и Леона, когда был вынужден положить правую руку на Библию и поклясться, что не имеет никакого отношения к смерти своего брата Санчо. Подтвердить перед распятием, что на трон его возвел промысел Божий, а не рука убийцы. Шестой Альфонс прибыл в Бургос, ожидая услышать восторженные клики народа, – и услышал их, но лишь от той сверх меры возбужденной его части, которая называется «чернью», меж тем как кастильская знать сумела, словно бы ненароком, загородить ему путь и препроводить не во дворец, а в церковь, а там заставила принести клятву.

Мне подстроили ловушку, скажет потом Альфонсо своим присным. Эти чопорные бургосцы с их лицемерными улыбками и учтивыми манерами подстроили мне ловушку. Не улыбался только Руй Диас, сеньор Вивара и сподвижник его покойного брата. С непокрытой головой, с мечом на боку, он предстал перед королем: на вид – сама почтительность, а на деле – сух и тверд, как копье, и столь же опасен. И это он понудил короля, поставленного перед алтарем, ответить на вопрос:

– Клянешься ли, что не причастен к злодейскому убийству своего брата?

– Да. Клянусь.

– Если ты говоришь правду, да вознаградит тебя Господь. Если кривишь душой – пусть спросит с тебя за это. И пусть тогда, как король дон Санчо, ты падешь не от руки высокородного кабальеро, а будешь предательски убит в спину низким негодяем.

– Ты допек меня, Руй Диас.

– Что это по сравнению с адским пеклом?

После таких слов Альфонс Шестой изменился в лице, которое сделалось цвета спелого граната, и, раздвигая толпу бургосцев и созывая своих леонских, астурийских и галисийских рыцарей, быстрым шагом вышел из церкви.

– Дорогу королю! – кричал Руй Диас, оставшись один в алтарной части ее.

Полгода спустя, по королевскому указу, он был изгнан из страны.

II

Тронулись в путь, чуть забрезжил первый сероватый свет дня, и, призракам подобные, понеслись во весь опор, торопясь проехать как можно дальше, пока не наступило утро, а с ним вместе – и нестерпимый зной. И к этому часу добрались уже до первого из пресловутых новых поселений, вехами расставленных вдоль тракта. Оно было невелико – там, за бурыми стенами, по словам монашка из Сан-Эрнана, обосновались два семейства из Астурии.

Колонна остановилась на расстоянии полета стрелы. Из печных труб не поднимался дым. Не лаяли собаки, хоть и должны были издали учуять лошадей. Ферма казалась необитаемой. Руй Диас отправил вперед двоих разведчиков налегке, а сам следил взглядом за воронами, кружившими невысоко в небе. Встретившись глазами с Минайей, понял: они оба думают об одном и том же.

А именно – о том, что открывшейся глазам картине можно было бы подыскать четыре или пять объяснений, но оба видели только одно. И оно им не нравилось.

Руй Диас приподнялся на стремянах. Разведчики меж тем уже доехали до бурых стен. Один, спрыгнув наземь, передал поводья напарнику и с мечом в руке перешагнул порог. Вскоре вернулся, о чем-то коротко переговорил с оставшимся. И тот поднял меч рукоятью вверх, что означало: «Опасности нет».

Руй Диас обернулся к своим людям, и все они, без необходимости не шпоря коней, пощелкивая языком и потряхивая поводьями, медленно тронулись к поселению.

У ворот Руй Диас спрыгнул с коня. На разведчике, остававшемся в седле, лица не было, тогда как у его напарника в лице не было ни кровинки, а на бороде виднелись свежие следы рвоты. Этот арагонец по имени Галин Барбуэс был, несмотря на молодые годы, человек степенный и основательный, выдавший виды, и вывести его из равновесия было нелегко. Узнав про изгнание Руя Диаса, он примкнул к дружине на Арлансонском мосту; на родине случилась с ним некая неприятная история, о которой Галин распространяться не любил. Впрочем, в отряде не у него одного, а еще кое у кого имелись пятна на совести.

– Худо? – спросил Руй Диас.

– Хуже некуда.

Они вместе подошли к двери. Как и везде в новых поселениях на границе по реке Дуэро, жилой дом – толстостенный и с бойницами вместо окон – и службы были обнесены стеной из необожженного кирпича. Во дворе еще остался пепел кострища и валялись останки бычка: голова, ноги, потроха, которыми побрезговали, когда жарили тушу. Останки клевали вороны, трех-четырех из них Руй Диас и его спутник спугнули, когда вошли во двор, – и замерли, увидев, что на дверях амбара распяты двое.

– Старики, – сказал Барбуэс спокойно. – По годам их в рабство не продать... И для всего прочего никакого от них проку.

Руй Диас молча кивнул, глядя на распятые тела. Издали они казались куклами, набитыми соломой, какие продают детям на ярмарках. Подойдя поближе, он увидел, что это два седовласых немощных старца; у одного из вспоротого живота свисали кишки. Перед тем как распять, старикам отрезали уши и носы: раны были черны от мух.

Барбуэс показал на бычьи внутренности:

– Развлеклись немного за ужином. – Он вытер бороду. – Для них крики и стоны – как музыка.

Руй Диас вопросительно глянул на него вполоборота:

– Только так развлекались?

– Не только.

И повел командира к дому. Дверь была выбита, и на полу дрожал прямоугольник солнечного света. В нем виднелось женское тело – нижняя его половина: раскинутые ноги, темное пятно лобка. Верхняя половина оставалась в полумраке.

- Крови нет, – заметил Руй Диас.
- Ее задушили.
- Наверно, слишком отчаянно отбивалась.
- Возможно.

Они вернулись в патио. Минайя и рыжий монашек смотрели на распятых. Монашек пробормотал несколько латинских слов, потом дважды осенил стариков крестным знаменем. Потом перекрестился сам – раз, а заметив выходящих из дома, и другой. Молодое веснушчатое лицо его было искажено ужасом.

- Кто здесь жил? – спросил Руй Диас.
- Два семейства... Переселились года полтора назад.
- И сколько их было?
- Да вроде бы душ девять... Три поколения – деды, отцы, дети... – Он показал на распятых. – Значит, семерых угнали.
- Шестерых.

Монашек непонимающе застыл с открытым ртом. Потом взглянул на дом и передернулся всем телом:

- О Господи Боже мой...
- Вот именно.

Монашек забежал внутрь и через мгновение выскочил наружу, белый как полотно. Его пошатывало, казалось, ноги его не держат. Но вот, глубоко вздохнув, он справился с собой, оглядел поочередно своих спутников. Да, он был молод, но отвагой наделен в должной мере. Граница по реке Дуэро закаляла каждого, кто сколько-нибудь жил там, будь то монах, поселенец или воин.

- Одна из матерей... – проговорил он. – Как звали, не знаю.
- И замолчал. Руки у него тряслись.
- Мавры увели двоих взрослых мужчин, женщину, девочку и двоих малышей.
 - И скотину угнали, – добавил Минайя, кивнув на пустой хлев и следы копыт на земле.
- Монах кивнул:

– Держали трех-четырёх коз и овцу, кажется... И быка. – Он показал на разбросанные по двору ноги, голову, внутренности. – Люди бедные. Запрягали его в плуг.

Поискав немного, обнаружили дерюжный мешок и накрыли тело женщины. Потом вышли наружу. Воины, спешившись и взяв коней под уздцы, терпеливо ждали. Когда Руй Диас и его спутники шагнули за ворота, почти все двинулись навстречу взглянуть.

– Пусть двое женатых обрядят женщину в саван, – приказал Руй Диас. – Потом похоронить всех троих. И поживей, ехать надо.

Он долго рассматривал следы, ведущие в ту сторону, куда ушли мавры: кучки навоза, отпечатки лошадиных подков, козьих копыт, человеческих ступней. Следов было много, а навоз еще не успел засохнуть. Присев на корточки, Руй Диас потыкал его пальцем, понюхал.

- У них на пути будет еще одно поселение, – сказал монах. – Если пустили вперед одних всадников, то они уже там. А если двинутся с добычей и пленными, то к завтраму доберутся.
- Коней есть где напоить?
- Нет, сдастся мне. До самого места – ничего. А вот там, на ферме, есть колодец с хорошей водой.

Руй Диас выпрямился:

- Кто там живет?
- Маленькая семья – вдовый отец с двумя мальчишками. Мать от лихорадки померла.

Руй Диас наконец отвел глаза от цепочки следов. Солнце поднималось все выше, и в знойном мареве далеко впереди подрагивала и переливалась разными оттенками охры Сьерра-дель-Худио³. До нее оставалось еще не меньше четырех-пяти лиг, но равнина обрывалась уже у невысоких предгорий.

Минайя подошел и встал рядом. И, заложив большие пальцы за пояс, на котором висел кинжал, тоже начал всматриваться в далекую сьерру.

– Они уж, должно быть, знают, что мы идем следом, – сказал он.

– Или предполагают.

– Да. У них наверняка есть лазутчики, которые налегке и на свежих конях ездят взад-вперед, вынюхивают, что за угощение им готовится... Засады не опасешься?

– Нет, пожалуй. – Руй Диас мотнул головой и показал в сторону холмов впереди. – Им не до того, своим делом заняты... И уж во всяком случае – не раньше, чем мы прибудем туда. На равнине им делать нечего.

– Когда, по твоим расчетам, мы их догоним?

– Не знаю... Дня через два. Или три.

– Иными словами – еще два поселения.

На это Руй Диас ничего не ответил. Они постояли в молчании, оглядывая пейзаж. И слушая, как у них за спиной найденными в доме лопатами воины копают три могилы.

Первым шевельнулся Минайя:

– Ты, наверно, думаешь, какой дорогой они будут возвращаться в свои края?

Бесстрастное лицо Руя Диаса осталось неподвижным. Сощурившись от солнечного блеска, он неотрывно смотрел вдаль:

– Да. Именно об этом я и думаю.

И этот день, и следующий они мчались во весь опор, останавливаясь, лишь чтобы покормить лошадей и дать им роздых. На второй день закат застал их в пути – солнце еще не зашло, и в его последнем сиянии на фоне розовых низких облаков особенно четко вырисовывались черные против света фигуры всадников: позванивало оружие и погромыхивали, будто черепа, притороченные к лукам седел опустевшие фляги.

Так скакали до глубокой ночи, благо взошла луна и путь им указывала Большая Медведица, потом устроили краткий привал и сели в седла еще затемно, а зарю встретили уже в дороге. При первом свете дня стали видны следы мавританского отряда, которые вели на север, к ущелью.

Ближе к полудню заметили дым: стояло полное безветрие, и потому серый столб отвесно уходил в небеса. Добрались до места во второй половине дня, когда солнце уже понемногу склонялось к закату. К этому времени от фермы остались только дымящиеся головешки. Ни на пожарище, ни вокруг не обнаружили ни одной живой – или мертвой – души. Быть может, кого-то бросили в колодец, но проверить не удалось – его завалили землей и камнями, оголовок разрушили.

– Это значит, что возвращаться будут другой дорогой, – сказал Минайя.

Руй Диас, спешившись, уставился долгим взглядом на север. Шлем его висел у седла, кольчужный капюшон был отброшен за плечи. Дорожная пыль смешалась с потом и покрывала все лицо сплошной коркой, растрескавшейся лишь вокруг глазниц и губ. Борода стала похожа на серую паклю. Минайя и рыжий монашек, стоявшие рядом, выглядели не лучше.

³ *Сьерра-дель-Худио* – несуществующая горная цепь на северо-западе Испании в нынешней автономной области Кастилия-Леон. По словам автора, он не хотел чересчур привязываться к географии, оттого путь его Сиды пролегает как через настоящие, так и через воображаемые города и веси. «Если я скажу, что через месяц после изгнания он [Сид] был в Мединасели, мне возразят, что это неправда. А если я скажу, что он ехал по Сьерре-дель-Худио – ну, пусть они поищут Сьерру-дель-Худио».

– Еще один дневной переход без воды выдержим, – сказал Минайя. – Но потом придется свернуть и поискать источник.

Командир продолжал смотреть на север – в сторону теперь уже недалеких предгорий.

– У мавров он где-то впереди, – ответил он, немного подумав. И повернулся к монаху. – Вроде там поблизости есть какое-то озерцо? Или это мой домысел?

– Есть, – подтвердил тот. – Между предгорьями и самой сьеррой. Харилья называется. Хотя это не озерцо, а скорее пруд.

– Неужто не пересыхает?

– Может, и пересох. Летом его курица вброд переходит.

– Полагаешь, мавры будут двигаться именно туда? А не слишком ли углубятся в этом случае?

Монашек задумался:

– Я бы на их месте, добравшись дотудова, двинулся бы дальше, к Гарсинавасу.

– Это что за зверь?

– Деревушка. Дворов шесть-семь, народу душ двадцать или чуть больше.

– Там есть что пограбить?

– Да найдется, думаю. Живут неплохо. Но главное – скотина и рабы.

– Оружием владеют?

– Едва ли. От бродяг и разбойников отбиться могут, но от настоящего мавританского отряда – а тут явно он – никогда. Он их разнесет в клочья.

– Вода там есть?

– Колодец.

Монашек, подобрав сутану, присел на корточки и принялся сухой веточкой что-то рисовать на земле. Руй Диас и Минайя наклонились, внимательно разглядывая изображение.

– Гарсинавас и Харилья стоят как раз между предгорьями и сьеррой, – пояснял тот. – На дороге, идущей под прямым углом к той, по какой двигаемся мы: на запад она ведет к броду реки Гуадамель, а на востоке переходит в римскую дорогу.

Руй Диас показал на уничтоженный колодец:

– Если они не смогут убраться восвояси той же дорогой, которой пришли, то по какой же пойдут?

– Есть два пути. Один – короткий, на запад, прямо приводит к реке. Второй – на восток, он длиннее и тоже выводит к реке, примерно на пять лиг выше по течению. Там тоже брод. Могут выбрать любой, но я полагаю – двинутся кратчайшим.

– Или нет, – сказал Руй Диас.

И взглянул на Минайю, которого явно одолевали сомнения.

– Не делить же отряд, – сказал тот.

– Я и не думаю делить. Ну разве что ненадолго.

Они понимающе переглянулись. Ибо слова им для этого были почти не нужны. Так повелось у них с детства, задолго до того, как вместе, во главе мавров и христиан, начали они сражаться с войсками Леона под Льянтадой и Гольпехерой, когда Руй Диас был знаменосцем юного короля Санчо, оспаривавшего у своих братьев наследство покойного Фердинанда Первого⁴. С той поры минуло восемь лет, но обоим казалось – столетия.

– Если двигаться на запад, – сказал наконец Руй Диас, – то кратчайший путь проходит у крепости Торрегода. Там стоит кастильский гарнизон.

Минайя сощурился:

⁴ *Фердинанд Первый*, т. н. «император Кастилии» (1018–1065), перед смертью разделил свои владения между детьми: Санчо получил Кастилию; Альфонс – Леон; Гарсия – Галисию и Португалию. Однако старший принц претендовал на большую часть королевства и поэтому стремился захватить земли, доставшиеся его братьям и сестрам.

– Думаешь, мавры не рискнут?

– Очень сомневаюсь, что отважатся, – слишком велик у них сейчас обоз. Тем не менее римская дорога идет к югу, к реке, через пустоши, которые примыкают к границе с мавританским королевством Сарагосой... – Он обернулся к монашку. – Так я говорю, *frater*?⁵

– Так, – кивнул тот. – В тех местах не встретишь ни единой живой души – ни христианина, ни мавра. И брод никто, значит, не охраняет. У него и название мавританское – Магасальгуад.

Минайя медленно осмыслял услышанное. Взглянул на горизонт и потом – на командира:

– А если твой расчет неверен?

Руй Диас устало улыбнулся:

– Значит, они уйдут и нам придется вернуть деньги магистрату Агорбе.

– Черт возьми, я не люблю возвращать деньги.

– Да кто ж любит.

Минайя снова взглянул вдаль. Перевел глаза на воинов. Они сидели на земле, прячась от зноя в жалкой тени, которую отбрасывали их лошади. Кое-кто стянул с себя кольчугу и, скатав ее, положил на седло рядом со щитом и шлемом или взвалил на спину мулу. Люди надежные и выносливые, да вконец измучены бесконечной погоней. Стократ лучше бой, нежели эта однообразная скачка. Вел бы их не Руй Диас, а кто другой, давно бы уже начали роптать.

– А почему бы не прибавить рыси и просто не догнать их?

– Потому что не знаю, найдем ли мы воду. Насчет озера я не уверен, а колодец могут привести в негодность – вот как этот.

– Есть проход между нами и римской дорогой, – сказал монашек. – Называется Корвера.

Оттуда можно перерезать путь маврам.

Руй Диас и Минайя воззрились на него со внезапным интересом:

– И далеко ли до него?

– Полтора суток пути на северо-восток. И там есть родник – может быть, еще не пересох.

Руй Диас всмотрелся в чертеж на земле. Поскреб бороду. Теперь он знал, что ему делать.

– Взводных ко мне.

Они подошли, отряхиваясь от пыли, шаткой, неверной, затрудненной поступью, свойственной всем, кто много времени проводит в седле: знаменщик-заика Педро Бермудес, оба Альвара – долговязый Альвар Ансурес и приземистый Альвар Сальвадорес, – которые всегда были неразлучны и казались братьями, хоть ни в каком родстве не состояли; Фелес Гормас, у которого на шее висел сигнальный рог, и суровый Диего Ордоньес, некогда, при осаде Саморы, бросивший вызов ее защитникам и убивший трех братьев Ариасов.

Они расселись кружком, с любопытством разглядывая каракули на земле. Руй Диас опустился на корточки и кончиком кинжала начертил крестик:

– Вот здесь мы перережем им обратный путь. Место называется Корвера.

Все уставились на эту метку, а потом переглянулись. Диего Ордоньес – жилистый, подвижный, вспльчивый вояка с голым черепом и курчавой густой бородой – высморкался в два пальца и стряхнул в пыль добытое.

– А до тех пор? – спросил он то, что вертелось на языке у всех.

– А до тех пор позволим маврам резвиться.

– Они ведь еще много зла натворят.

Руй Диас одарил его жестким взглядом:

– Может быть. Но мы их будем ждать.

⁵ Брат (*лат.*).

Никто не возразил. Все с интересом слушали и были рады, что вместо слова «догонять» прозвучало «ждать». И были не то что всей душой, а и всеми кишками, коль скоро они еще не выпущены, благодарны за это.

Руй Диас, не поднимаясь, показал на Альваров кончиком кинжала:

– Вы оба пойдете следом за маврами, не отставая, но особо не приближаясь. Пусть думают, что мы гонимся всем отрядом, хотя на деле у вас будет только десять человек. Понятно?

– Ясно, – кивнул Альвар Ансурес.

– Ясно, – сказал Альвар Сальвадорес.

– По ночам будете костры разводить, чтоб казалось, будто вас много. Днем нарубите веток и тащите их за собой, чтоб пыль столбом. Ручаюсь, мавры купятся на это. Полагаю, назад они пойдут по римской дороге, а вы следуйте за ними, пока не соединитесь с нами в Корвере.

Альвар Ансурес показал на левый край рисунка:

– А если выберут другое направление?

– Тогда, может быть, выскользнут. А может, и нет. В таком случае оповещу вас, пошлю гонца. Мавры будут обременены добычей, а потому, если поторопимся, настигнем их раньше, чем они доберутся до брода.

– А если нет?

Руй Диас выпрямился и спрятал кинжал в ножны.

– Мавры станут немного богаче, а мы – немного беднее.

Совесть мучает, подумал он. Пока еще не очень сильно, но уже начала. Руй Диас знал своих боевых товарищей и знал, о чем они думают.

Порой он останавливал коня, пропускал мимо себя колонну и смотрел, как медленно проходит она, поматывая головами коней, обдавая его запахами навоза, железа и кожи, покачивая в седлах всадников с копьями у стремени, со щитами на крупах, негромко позванивая сталью доспехов и оружия, задевающего сбрую. Он мог читать в душе каждого своего бойца, примечая, как тот отводит или задерживает на нем взгляд, как сжимает растрескавшиеся губы или утирает пот со лба, как поводит плечами и сгибает спину, чтобы не так тяжело давила на них кольчуга.

Большинство составляли люди с границы, закаленные в набегах и стычках, знающие, что к чему, не понаслышке, а по собственному опыту. И лучшим доказательством этого служило то, что они были живы. А выживали они не в только в набегах, из которых можно было привести поплатившегося за свою беспечность мавра и пару коров, – нет, многие участвовали в серьезных сражениях, сотрясавших тогдашнюю Испанию с ее зыбко подвижными границами, населенную на севере леонцами, кастильцами, галисийцами, франками, арагонцами, астурийцами, наваррцами, – порой они воевали друг с другом, легче пуха под ветром переходя с одной стороны на другую; другие же обретали боевой опыт в битвах против мавританских государств, что вовсе не исключало временных союзов с ними, когда надо было с их помощью одолеть или ослабить другие христианские королевства или графства.

– Минайя.

– Слушаю, Руй.

– Пусть идут рысью столько времени, сколько нужно, чтобы пять раз прочитать «Верую». Надо дать коням роздых.

– Будет сделано.

– Потом еще немного – шагом, а потом пусть спешатся и четверть лиги – пешком.

Он посмотрел, как выполняется его приказ, и, переходя с короткой рыси на шаг, вернулся в голову колонны. Когда прошло отмеренное время, всадники без приказа спешили и повели коней в поводу. Спрыгнул с седла и Руй Диас.

– Хорошие ребята, – тихо сказал Минайя, идущий рядом с ним. – Дело свое знают и денег своих стоят. Когда получают их, конечно.

Руй Диас промолчал, думая как раз о том же. Не считая ловцов удачи – а они составляли приблизительно треть отряда, – остальные входили в дружину Виваров и были крепко связаны со своим сеньором землячеством и родством. И это позволяло ему потуже затягивать колки повиновения, поскольку отдельные личности растворялись в этой сплоченной общности. Впрочем, Руй Диас, полжизни проведший в битвах, по собственному опыту знал, что свой предел всему положен и никого не следует заставлять прыгать выше головы. За ним шли благодаря его громкому имени, и это прекрасно сочеталось с ожиданием богатой добычи. Ему, изгнанному из Кастилии, но, несмотря ни на что, сохранившему верность своему королю, а потому лишенному возможности сражаться против него или его союзников – христиан или мусульман, – не оставалось ничего иного, как воевать в мавританских землях. Поручение магистрата Агорбе защитить север Гуадамьеля было не бог весть что, однако для начала и это было неплохо – особенно если бы завершилось успешно. Но вторгшиеся мавры были стремительны, преследование затянулось надолго, и воины, предвидя большие тяготы и малые барыши, начали мрачнеть и злиться. Без сомнения, хороший бой мигом все уладил бы, а несколько отрубленных мавританских голов у седла все расставили бы по своим местам. Да вот только где они, эти головы?

– Теперь надо поговорить с ребятами, – настойчиво произнес Минайя.

Руй Диас только мотнул головой в ответ. Он был уверен, что сейчас для поддержания власти командира следует, напротив, хранить молчание. Бойцов, от которых он в самое ближайшее время потребует очень много, следует держать на известном расстоянии, и задушевные разговоры тут ни к чему.

– Они уже много дней скачут, видя только твою спину, Руй...

– И полагаю, узнали много нового об этой части тела.

– Ох, перестань, прошу тебя... Не смешно это... Ты ведь – живая легенда, дьявол бы тебя побрал...

– Не приставай, Минайя...

– Я и не пристаю. Но ведь потому они и здесь, с тобой.

– Легенды живы, пока на них смотришь издали.

Да, так оно и было. Его имя давно уже было овеяно легендой, и он знал это. Не только потому, что он, захудалый кастильский рыцарь – *инфансон*, как принято было называть таких, – осмелился потребовать, чтобы король принес клятву, но еще и потому, что воевал с пятнадцати лет и ни у кого не было такого послужного списка: он участвовал в битве с арагонцами при Граусе, проделал всю кампанию против мавров в Сарагосе, вышел на поединок с наваррским рыцарем Химено Гарсесом в Калахорре, а в Мединасели – с непобедимым прежде сарацином Утманом Алькадиром, был в сражениях при Гольпехере и Льянтаде против нынешнего короля Альфонса Шестого, осаждал Сарагосу, штурмовал Коимбру, брал Самору, бился при Кабре против графа Гарсии Ордоньеса и его союзников-магометан из Гранады, рубился с толедскими маврами. И удача неизменно сопутствовала ему: из всех схваток он выходил победителем. Его порой так и называли – Кампеадором-Победителем, тем, за кем всегда остается поле брани. Любимый одними, у других вызывающий ненависть, злобу, зависть, он по совету одного аббата, друга семьи, выбрал себе девизом слова какого-то римского императора: «*Oderint dum metuant*», то есть: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Эти слова он начертил у себя на щите.

– Поговорю, когда сочту нужным.

– Они заслуживают твоего слова, ибо измучены вконец. – Минайя поглядел на него искоса. – Помнишь девочку из Коваррубьяса? Никто ведь не возразил тогда, хотя мы с утра

покрыли четыре лиги и маковой росинки во рту не было. Ты приказал – мы дали коням шпоры, и все на этом. Даже не оглянулись назад.

Руй Диас молча кивнул. Еще бы не помнить. Девочке, которая отворила дверь, когда в нее застучали рукоятями мечей, было лет девять. Дом ее, как и все, которые раньше встречались отряду на пути, был закрыт для всадников, ибо, опережая отряд, скакали королевские глашатаи, оповещая жителей, что под страхом смерти запрещается оказывать изгнанникам какую-либо помощь. Но люди Руя Диаса сказали, что с них хватит и что они шагу не сделают, пока жители не дадут им еды и вина, а не дадут добром – у них возьмут силой. Когда местные в страхе заперлись в домах, не желая отворять, воины решили вломиться в тот, что казался побогаче прочих. И Руй Диас, измученный, как и его люди, не собирался препятствовать им.

Вот тогда на пороге и появилась эта девочка.

– Ты в самом деле помнишь это, Руй?

– Помню, разумеется.

За спиной у нее стояло перепуганное семейство: отец, мать, братья, слуги. Может быть, девочку послали открыть, может быть, она сделала это по собственному почину, но так или иначе – отворила и оказалась лицом к лицу с боролатыми, одетыми в железо людьми, столпившимися у дверей. Девочка была светлоглазая, белокурые волосы выбивались из-под платка-куфии. Взглядом, где любопытство пересиливало страх, она обводила свирепые грубые лица пришельцев, словно отыскивала среди них главного, и наконец, заметив, на кого смотрят все остальные, остановила его на Руе Диасе:

– Король убьет нас, сеньор.

Так сказала она тогда. Голос ее тонко позванивал хрупким стеклом. А вокруг установилось молчание, вязкое и густое, как масло.

– Умоляю вас... Идите своей дорогой, и Господь вам воздаст.

Такая простодушная беспомощность звучала в детском голосе, что все эти корявые, огрубевшие, покрытые рубцами вояки, грабители, насильники и убийцы по призванию и роду занятий стали неловко переглядываться.

– Пожалейте нас, сеньор.

С высоты седла Руй Диас молча глядел на девочку, а меж тем чувствовал, что как-то странно саднит в груди, пощипывает в горле. Ему вспомнились собственные дочери. На своих воинов он не смотрел, но знал – все зависит от него. Одно его слово – и от дома останется лишь зола.

Но хрипловато и сухо он произнес не одно слово, а два:

– По коням.

И девяносто семь воинов, покорные его воле, без возражений и даже не скривившись, вскочили в седла и медленно двинулись своей дорогой.

III

Они скакали на восток, и рассвет нового дня застал их в пути. По мере того как все выше поднималось солнце, узкая полоска дымки, видневшаяся вдали на горизонте, становилась сперва розоватой, потом янтарной, а потом превратилась в линию бурых гор. А спустя еще немного времени – все осветилось неистовым сиянием.

– Кажется, это Корвера и есть, – сказал Минайя.

– Кликни-ка Рыжего ко мне.

Монашек, понукая своего мула, вскоре подъехал в голову колонны. Капюшон сутаны был поднят, чтобы не напекло голову. От размашистой рыси бились о круп притороченные к седлу арбалет и стрелы. Руй Диас оглядел оружие – изрядного качества, сделано из кости и тиса, мавры ценят такие арбалеты и называют их «гаус ифраньи», то есть «северный лук, оружие франков».

– Где научился владеть им, братец?

Монашек покраснел. Крупные капли пота чередовались на лбу с веснушками.

– Отец в детстве брал меня на охоту.

– В здешних местах?

– Да. Мы переехали из Галисии, когда я еще был грудным.

– Колонисты?

В улыбке, тронувшей губы монашка, горечи было столько же, сколько дерзости.

– Телега с хромоногим быком, муж, жена да четверо ребятишек... Нищета. Либо переселяйся, либо влачи жалкое существование. Отец выбрал себе кусок свободной земли у реки.

– Тяжкая жизнь, – заметил Минайя.

– Как у всех в здешних местах. Однако тот кусок был неплох.

– «Был»?

– Да. Девять лет назад, летом, мавры увели мать и сестру. Мать была беременна... С тех пор я ничего о них не знаю.

Минайя, заинтересовавшись, повернулся в седле:

– А мужчины?

– Отец и брат – старший – погибли, когда дом защищали.

– Вот оно как... Сочувствую тебе.

– Граница есть граница... В тот раз затронуло нашу семью. – Монах, принимая неизбежное, пожал плечами. – Христиане, налетая на земли мавров, творят то же самое... Господь любит равновесие.

– Любит. Пожалуй, даже слишком, – отозвался Руй Диас.

Монах, смущенный этим вольным замечанием, перекрестился:

– Пути Его неисповедимы.

– И то верно.

– А что со вторым братом? – спросил Минайя.

– Мы с ним спрятались и потом сумели выбраться... Потом он отправился вроде бы на север. Больше я его не видел. А меня приютили в монастыре.

– Ну, по крайней мере, не пропал. Сан-Эрнан – славное место.

– Славное, – согласился монах. – И горячим кормят.

Руй Диас потерял интерес к разговору. Теперь он всматривался в предгорья.

– Где же эта Корвера? – спросил он.

Монах подумал немного, приставив ладонь козырьком к глазам, и наконец вытянул руку:

– Мы верно едем.

– С какого расстояния нас заметят?

Монах непонимающе взглянул на него. Потом обернулся на конную колонну и снова в растерянности взглянул на Руя Диаса:

– Кто?

– Да кто бы ни был. Я спрашиваю, откуда нас смогут заметить.

Монах снова призадумался, оглядывая предгорья:

– Ну, если кто зоркий, за лигу заметит.

И с этими словами вопросительно уставился на командира. Минайя, судя по его лицу, тоже как будто хотел получить объяснения. Бросив поводья, он рысил рядом – шлем на луке седла, кольчужный капюшон откинут.

– Что с тобой? – спросил он.

– Да так... думаю кое о чем.

Проехав шагов двадцать или чуть больше, Руй Диас заговорил вновь:

– Ступай на свое место, брат, – сказал он монаху. – Придет нужда в тебе – позову.

– Как скажете.

Он повернул мула. Минайя остался рядом с командиром. Из-под полотняного платка, защищавшего голову от солнца, лился пот, прочерчивая бороздки по запыленному бородатому лицу.

– Если мавры решат возвращаться по римской дороге, – произнес наконец Руй Диас, – не исключено, что воспользуются этим проходом, благо там, как рассказал нам вчера Рыжий, есть источник.

Минайя медленно соображал.

– Хочешь сказать, они могут заподозрить, что мы перережем им путь?

– Именно это я и хочу сказать.

– Черт возьми...

Минайя взял висевшую у седла флягу, откупорил ее и протянул Рую.

– Тебе самому мало, – сказал тот, встряхнув.

– Ничего.

Запрокинув голову, Руй Диас влил в рот скудный глоток. Потом вернул флягу хозяину, и тот тоже отпил.

– Что бы ты сделал, будь ты мавром, Минайя?

– Завел бы четырех жен.

– Я не шучу.

– Да кто шутит? Пока нами правит Альфонс Шестой, мне все чаще хочется принять ислам.

– И все же – что бы ты сделал на их месте?

Минайя вытер губы ладонью, повесил флягу на прежнее место, у седла, и глубоко задумался. Наделенный не слишком живым воображением, он туго соображал, но зато был очень исполнительен и усерден. Отличный набор качеств для его должности.

– Никогда наперед не скажешь, что сделает мавр. Пока не сделает.

– Так вот, представь, что же он сделал.

Минайя снова погрузился в думу.

– На всякий случай я бы глаз не спускал с этой самой Корверы, – сказал он наконец.

– Правильно.

– Оружия бы из рук не выпускал, чтоб не взяли расплохом.

– О том и речь.

Минайя привстал на стременах, оглядывая далекие предгорья. Потом снова опустился на седло:

– Думаешь, уже выслали кого-нибудь?

– Они умеют воевать не хуже нас. А иногда – и лучше.

Минайя, сведя брови к переносице, продолжал размышлять.

– Если так, – проговорил он наконец, – то скольких они могут послать в дозор?

– Вряд ли станут расплывать силы. Я бы послал троих-четверых, притом – налегке.

Чело Минайи прояснилось.

– Чтоб подать сигнал в том случае, если мы вдруг там объявимся.

– Именно так.

Повернувшись в седле, Минайя окинул взглядом колонну. Следом за ними Педро Бермудес, один из двоих племянников Руя Диаса, вез знамя – зеленое полотнище с красной полосой наискось, впрочем сейчас свернутое и спрятанное в кожаный чехол.

– Пока мы еще далеко от них, – сказал Руй Диас, – но после полудня нас уже можно будет заметить. Тогда мы остановимся.

– Разумно.

– Потом, когда солнце склонится к закату, снова двинемся – против света нас будет не разглядеть на горизонте. Ну а окончательный бросок – ночью. Луна сейчас встает поздно, и это нам немного поможет.

– Кого отрядить на разведку?

– Галина Барбуэса и кого-нибудь молодого и проворного, легкого на ногу. Пусть обуют альпаргаты – может, придется карабкаться по скалам. Когда остановимся, я сам объясню им задачу.

– Ладно.

– И Рыжий пусть с ними отправится. Он знает местность.

– Удачная мысль.

– Чему ты улыбаешься, Минайя?

– Выражение лица у тебя интересное...

– Это чем же?

– Тебя словно бы радует все это, Руй. Ты произносишь все это, а в душе – ликуешь. Тебе хотелось бы встретить мавров в Корвере, так ведь, а?

– Ну разумеется. Подтвердилось бы, что они хотят вернуться к реке по римской дороге.

– Да не в этом дело... Мне ли тебя не знать? Ты просто счастлив оттого, что наконец-то после стольких дней пути, который всю душу вымотал, – нынче ночью может случиться славная рубка.

– Что ж, может, и так... А теперь распорядись, чтобы люди спешили и вели коней в поводу, пока пять раз подряд не прочтут «Верую».

– Помолиться никогда лишним не бывает, а сейчас – особенно, а? Помолиться за то, чтобы мавры оказались в Корвере и творили намаз, оборотясь лицом к Мекке, а мы бы взяли их тепленькими.

– Ну, довольно разглагольствовать. Ступай.

Ехали медленно, стараясь держаться вдоль склона, чтобы силуэты не обозначились на линии горизонта. А когда солнце вошло в зенит, остановились в дубовой роще. От головы колонны до замыкающего пролетел приказ, и все спешили, стали разминать замлевшие ноги, затекшие поясницы, потом повалились наземь в тени деревьев – отдыхать и бить вшей, но прежде стреножили коней, разнуздали и пустили их щипать травку.

Знаменщик Педро Бермудес принес Рую Диасу горсть подобранных с земли желудей. Этот основательный и застенчивый юноша в обыденной жизни сильно заикался, но речь его становилась гладкой и текучей, когда, бросаясь в бой, он без малейшей запинки и на чистейшем кастильском наречии сыпал отборной бранью. Потом он обыкновенно сокрушался и корил себя за это, ибо погибнуть, изрыгая поток сквернословия, пусть даже ты при этом рубился с

неверными, значило обречь свою душу вечной гибели. Однако воздерживаться не получалось.

– П-п-попробуйте-ка, дядюшка... П-почти с-сладкие...

– Не называй меня дядюшкой.

Педро покорно кивнул:

– П-простите.

Юноша страдал не только заиканием, но и близорукостью и всегда шурился, всматриваясь в даль. В бою он, чтобы не потерять Руя из виду, держался вплотную к его лошади, как гончий пес на охоте. А поскольку пущенные неприятелем стрелы и камни замечал только вблизи, то прослыл человеком отчаянной храбрости. Что, впрочем, соответствовало действительности. Он и вправду был отважный паренек.

Руй Диас рассеянно сжевал пару желудей. Заметив, что и воины принялись отыскивать их в траве, разрешил открыть седельные сумки и достать провиант, но – огня не разводить и есть всухомятку. Сам он подкрепился сухим хлебом, размоченным в кислом козьем молоке. Спустя некоторое время, когда солнце спустилось еще ниже, а люди немного отдохнули, послал за разведчиками. Он сидел на земле, привалившись к стволу дуба, и смазывал салом сапоги, когда увидел, как приближаются кучкой – Минайя с Диего Ордоньесом и Педро Бермудесом, арагонец Галин Барбуэс и еще один молоденький паренек. За ними шел и монах.

– Слушайте, – сказал он.

Они взяли своего начальника в полукольцо и сели на корточки, молча глядя на него. Ждали, отгоняя мух. На круг выходило у них семьдесят лет боевого опыта. Даже самые молодые из них были настоящими бойцами, закаленными и испытанными в стычках, если не в битвах с сарацинами, леонцами, галисийцами или франками, как принято было называть жителей каталонских графств. Они умели повиноваться и ждать. И всем внушал трепет их командир Руй Диас. И все – от Минайи до самого зеленого юнца – если предположить, что были там зеленые юнцы, – знали о его жизни: о юности, проведенной рядом с инфантом доном Санчо, о его подвигах в ту пору, когда он стал знаменосцем, а инфант – королем, о его удачах в превратностях войны и о честности при дележке добычи, о суровом, но справедливом нраве, о холодно-непреклонной ярости, порой накатывавшей на него. По этим и по иным причинам его уважали и боялись. Потому, глядя, как вьется на ветру его знамя, они повиновались ему в боях. Потому же последовали за ним в изгнание.

– Очень может быть, что мавры – в Корвере. Если так, то, полагаю, их мало. – Он взглянул на Галина Барбуэса и второго, молоденького разведчика. – Если так, надо узнать, сколько именно.

Барбуэс поднял руку:

– Они нужны живыми, сеньор?

Руй Диас усмехнулся. Произнеси эти слова кто-нибудь другой, это прозвучало бы бахвальством, но Барбуэс знал, что говорил. Этот еще относительно молодой солдат, основательный и неторопливый уроженец Хаки, был скуп на слова и щедр на удары меча.

– Пока что я хочу лишь знать, там ли они. Прочим займемся потом. Пойдешь ты. – Он показал на второго разведчика. – И Муньо Гарсия. А сопровождать вас будет святой отец, он знает те места. Нет возражений, *фратер*?

– Нет, сеньор.

– На это время дайте ему коня вместо мула.

Услышав свое имя, Муньо Гарсия вспыхнул от гордости. Не потому, что его послали на задание – это-то было в порядке вещей, – а потому, что Руй Диас помнил, как его зовут. На самом деле Руй Диас знал по именам почти всех своих бойцов. В военном деле это важно, поскольку в горячке боя, когда остаешься один на один со смертью – своей и чужой, – очень важно услышать из уст командира свое имя. Напирай, Галин Барбуэс! Держись, Муньо Гар-

сия! Знамя выше, Педро Бермудес! И своих воинов, уже готовых дрогнуть, повернуть коней и спастись бегством, Руй Диас умел заставить вновь обрести решимость и ударить на врага с поистине львиной отвагой, всего лишь благодаря тому, что в пылу схватки окликал своих бойцов по именам. И по этой причине старался запоминать их. Минайя называл, а он мысленно повторял десятки раз, покуда они накрепко не впечатывались в память.

– А как быть, если мавров встретим? – спросил Диего Ордоньес.

Голос его звучал так, будто напильником водили по железу. Руй Диас знал Ордоньеса издавна – почти столько же, сколько Минайю, – и только эти двое говорили командиру «ты». Это был человек нрава заносчивого и необузданного, грубоватый в общении, свирепый и искусный в бою. Имел обыкновение стоять широко расставив ноги, уперев здоровенные кулаки в бока, словно бросал вызов всему свету и, казалось, искал случай подраться. Нет, не казалось, а так оно и было. Искал и находил. Покойный король Санчо после битвы при Гольпехере, из которой Бургосец вышел с ног до головы залитый кровью леонцев и галисийцев, сказал: «Лучше, когда такая бешеная зверюга, как Диего, идет рядом с тобой, а не навстречу».

– Встретите – доложите мне. И чем скорей, тем лучше. А мавров постарайтесь не спугнуть. На рассвете мы на них ударим.

– А что они там забыли?

Руй Диас, не отвечая, пристально глядел на него. Диего сморщил лоб в замешательстве, подергал себя за густую бороду. Наконец лицо его просияло.

– Ах, чтоб меня!.. – сказал он. – Понял.

Он оглядел товарищей одного за другим, ища подтверждения своей догадке. Потом радостно рассмеялся:

– Римская дорога! Конечно же! Эти собаки будут возвращаться по ней, тут мы их и накроем.

Руй Диас, больше не обращая на него внимания, стал по солнцу определять время:

– Скоро двинемся, не торопясь. Солнце будет у нас за спиной. – Он обернулся к Барбуэсу, Гарсии и монашку. – А вы трое можете выезжать прямо сейчас. Постарайтесь не шуметь, а потому из железа оставьте при себе только мечи и кинжалы. И до первых петухов вернетесь и встретитесь с нами. Монах говорит – там, неподалеку от Корверы, есть приметная дубовая роща. Вы ее не пропустите: будет еще достаточно светло. В роще этой мы остановимся и вас подождем.

Разведчики уехали. Прочие ожидали распоряжений.

– Пойдем поначалу шагом, чтобы не слишком пылить. – Он взглянул на Бермудеса. – Командуй. Ближе к вечеру прибавим рыси.

– С-с-лушаю, д-дядюшка.

– Сто раз тебе повторять? В походе я тебе не дядюшка!

– С-слушаю, с-сеньор.

– Давай поднимай людей. – Он описал в воздухе полукруг, куда попал и Диего Бермудес. – Пусть готовятся.

Руй Диас сидел на прежнем месте, глядя им вслед. Во время разговора он продолжал смазывать салом ремни амуниции. Рядом с ним остался один Минайя, который, как и раньше, сидел на корточках. И ковырял в зубах тонкой веточкой.

– Будет дело, непременно будет, – заметил он. – Ты осчастливишь всех.

– Если выгорит.

– Выгорит, куда денется? Разведчики – люди смысленные, да и монашек вроде бы тоже не рохля.

Минайя следил глазами за Диего Ордоньесом, который пинками расталкивал спавших под дубами товарищей. И все той же веточкой показал на него:

– Вот же скотина.

– Что есть, то есть, – улыбнулся Руй Диас.

– Повезло ему, что пошел с нами: в Кастилии его бы обязательно вздернули. Неустанно твердит всем, кто желает слушать, что клятва в соборе Санта-Гадеа – ему, как говорится, вдоль подола. Убежден, что короля Санчо убили по приказу Альфонсо. Стоит на своем, хоть ты кол ему на голове теши.

– Но нам это на руку. Вояка он великолепный.

Минайя сплюнул:

– Об этом лучше спросить саморцев... Тех, кто выжил...

Оба помолчали, вспоминая. Короля Санчо убили во время осады Саморы, когда он намеревался разбить войска своей сестры Урраки. Покойный король-отец разделил государство между своими детьми, а Санчо, которому досталась Кастилия, мечтал о воссоединении страны. Он разгромил войска своих братьев Гарсии и Альфонсо и был уже в шаге от того, чтобы низложить Урраку, но тут некий предатель по имени Бельидо Дольфос под стенами города пронзил его дротиком.

– Да уж, устроил тогда Диего Ордоньес...

– Мне можешь не напоминать, – сказал Руй Диас, как бы подытоживая.

Тогда, совершенно остервенясь от ярости и горя, Ордоньес, вооруженный до зубов, встал у ворот Саморы, обозвал низкими убийцами и трусами всех его жителей от древних старцев до грудных младенцев. Пусть выйдут с ним на божий суд, кричал он, пусть выходят все, сколько их ни есть, один за другим, он справится со всеми. С этими словами он сломал свое копье о крепостную стену и плюнул на нее, так что саморцам ничего уже не оставалось, как принять вызов.

– Говорю же – зверюга, – повторил Минайя, пряча улыбку в зарослях бороды. – Трех Ариасов уложил. Да нет, почти четверых. Разгулялся, нечего сказать.

Руй Диас кивнул. Да, так оно все и было. В тот день знатнейшая фамилия Саморы – престарелый Ариас-Гонсало и трое его юных сыновей – сочла своим долгом защитить честь родного города. Первым на эспланаду вышел старший сын, которому Ордоньес разрубил голову с одного удара. Вышел средний сын, горя желанием отомстить за гибель брата, и Ордоньес опять же с первого удара копьем в лицо под шлем покончил и с ним. Младший сын, хоть и был еще очень юн, отважно ринулся в схватку и даже ранил Ордоньеса и убил под ним коня, однако и сам пал мертвым от стального острья, пронзившего кольчугу. Диего убил бы и старика, когда тот в отчаянии взобрался на коня, чтобы разделить судьбу сыновей, если бы слезно не взмолилась инфанта донья Уррака. Диего Ордоньес же, залитый кровью до подбородка, стоя над телами трех братьев, хриплым от ярости голосом продолжал вызывать на бой граждан Саморы и требовать себе нового коня и новых противников.

IV

Руй Диас скверно спал. И даже невероятная усталость не могла совладать с бессонницей. Он просыпался посреди ночи оттого, что тело затекло, но с ясной головой, где, теснясь, проплывали картины былого и будущего, лица ненавистные и любимые. Глазами памяти он вновь видел заплаканных дочерей, цеплявшихся за юбки матери, и кроткое страдание, застывшее на ее лице, – видел их такими, как в последний раз, при расставании в Сан-Педро-де-Карденья, когда они стояли на паперти церкви, а он, уже сев на коня, которого держали под уздцы оруженосцы, обернулся, чтобы сказать: «Прощайте». Потом был отряд, идущий походной колонной, стук копыт, всадники в железе и коже, дерзко выющееся на ветру знамя в руке Педро Бермудеса, и вот фигуры Химены и девочек остаются позади, отодвигаются все дальше, теряют четкость очертаний, а потом и вовсе истаивают в густых клубах пыли – быть может, навсегда. По милости мстительного короля, который ненавидел их мужа и отца.

Руй Диас заворочался под попоной на твердой земле. Он чувствовал щекой кожу седла, пахнувшего серой и конским потом, а в переплетении ветвей видел звезды. Костров на этом привале не разводили, и фигуры спящих едва угадывались в темноте. Снова пошевелился, пытаясь найти удобное положение, но не сумел. Болела спина от шеи до самого крестца.

Время тянулось медленно. Слишком медленно.

Вот заржал конь, а потом стал слышен приглушенный голос одного из дозорных. Он что-то сказал напарнику, а тот рассмеялся, еще мгновение слышались их удаляющиеся шаги, и вот все стихло вновь.

Ветви были неподвижны – в воздухе не чувствовалось ни ветерка. Разведчикам пора бы уж вернуться, подумал Руй Диас. Если в ближайшее время не появятся – это дурной знак. И скверное начало.

Но сейчас он ничего не мог сделать. И потому закрыл глаза и попытался уснуть. Тщетно. Слишком много мыслей. Слишком много картин в голове.

И снова, как каждую ночь, неотступно виделись ему и не давали уснуть лица врагов. И как ни старайся, они вытесняли дорогие ему лица. Особенно часто возникал призрак короля Альфонса: побагровев от сраму, стиснув зубы от ярости, он стоял перед алтарем и клялся, что неповинен в смерти Санчо, меж тем как взгляд его сулил обидчику все муки ада.

Разумеется, он начал мстить не сразу. С сеньором Вивара нельзя было не считаться: без него Бургос и Кастилия едва ли будут верны новому королю. И он выжидал, исподволь вынашивал замысел, старался улучшить удобную минуту и не пропустить благоприятное стечение обстоятельств. И эта минута настала, когда появился человек, тоже не раз возникавший в памяти Руя Диаса в бессонные ночи, – леонский граф Гарсия Ордоньес, злейший враг его, которого после клятвы в Санта-Гадеа Альфонс Шестой назначил королевским знаменосцем. Коварный, тщеславный, изобретательный фаворит нового монарха старался еще сильнее испортить его отношения с Руем Диасом. И преуспел в этом. Вершиной этой интриги стало изгнание Руя.

Он почувствовал чье-то прикосновение к плечу, открыл глаза и безотчетно потянулся за кинжалом. Над ним нависал черный силуэт Минайи.

– Возвращаются, – прошептал помощник.

Руй Диас, привстав, стал протирать глаза, разминать затекшие ноги.

– Все благополучно?

– Сами расскажут.

Руй Диас наконец поднялся, опоясался мечом поверх кожаного колета. Становилось свежо.

– Спал? – спросил Минайя.

– Нет, думал про Гарсию Ордоньеса.

– А-а, про этого сукиного сына? От таких мыслей, конечно, черта с два заснешь.

Это произошло накануне изгнания: король Альфонс отрядил его за ежегодной данью, которую Альмутаид, мусульманский владыка Севильи, платил неукоснительно, однако одновременно послал с таким же поручением Гарсию Ордоньеса к эмиру Гранады Абдале, смертельному врагу севилянца. Когда науськанный эмиром Гарсия с войском леонцев и гранадских мавров вторгся в пределы Севильи, Руй Диас, рассудив, что Альмутаид выполнил свои обязательства, почел своим долгом выступить с дружиной на его защиту. Ибо тут были затронуты его честь и его слово. И вот на поле сражения в Кабре леонцы и гранадцы сошлись с кастильцами и мавританской ратью севилянцев, объединенных под командованием Руя Диаса. Гарсия Ордоньес был взят в плен, а войско его беспощадно истреблено в ходе этой кровавой битвы и последующего преследования. Кабра стала для леонского графа тяжким оскорблением, которое простить нельзя. А для короля Альфонса – великолепным поводом свести старые счеты с тем, кто так унижил его в соборе Санта-Гадеа. «Повелеваю тебе покинуть пределы моей державы сроком на год» – таков был исполненный презрения приказ, который король огласил в Бургосе, прежде чем повернуться спиной, меж тем как придворные толкали друг друга локтями. Но Руй Диас твердым голосом и положив руку на эфес меча, отвечал с неменьшей надменностью, никак не способствовавшей примирению: «Если ты, государь, изгонишь меня на год, то я сам себя – на два».

Смутные очертания человеческих фигур меж чернеющих во тьме деревьев, под переплетением ветвей, под звездами. Разведчики бесшумно, как дикие коты, медленно возвращались в лагерь.

– Вроде бы их там четверо, – послышался голос Галина Барбуэса.

– Они засекли вас?

– Нет. Мы осторожно взобрались по скалам. Монашек провел горной тропой. И за первым хребтом увидели лощину. Там они развели костерок – думали, будет незаметно. Мы поглядели на них и назад пошли.

Руй Диас осмыслял услышанное:

– Уверены, что их всего четверо?

– Других не видели. Чуть поодаль, возле ручья, стояли их кони. Один мавр вроде сторожил, а остальные спали.

– Чем вооружены?

– Костерок давал мало света, так что не разглядеть было.

– Как будто – маленькие щиты, копья, один лук, – добавил Муньо Гарсия.

– Налегке отправились, – завершил Барбуэс. – Как мы и думали.

Руй Диас продолжал размышлять:

– Сколько у нас займет путь туда?

– Всей дружиной?

– Нет, небольшим отрядиком и тоже налегке, чтобы поскорее вышло.

Лазутчики на мгновение задумались.

– Ко вторым петухам смогли бы успеть. Да и луна к этому времени будет уже низко.

– Ладно... Стало быть, мы успеем ударить на них до рассвета.

Руй Диас огляделся по сторонам. Черные фигуры сбились в кучу и слушали молча. Ему показалось, что он узнает среди них Педро Бермудеса и Диего Ордоньеса.

– Минайя.

– Я.

– Отряди восьмерых... Самых молодых и проворных. Пусть оставят товарищам щиты, кольчуги и прочее тяжелое оружие. И пусть обвернут тряпьем копыта лошадям. Все должно быть бесшумно.

– Сделаем.

– А остальным – в полном вооружении следовать за нами на заре.

В молчании Минайи чувствовалось, что он сомневается. Ибо опытен.

– Ты тоже пойдешь, Руй?

– Да. С этими восьмерыми, двумя лазутчиками, монахом и Диего Ордоньесом.

– Итого – тринадцать. Несчастливое число.

– Мне нравится дразнить Сатану.

Послышались смешки. Именно такой дерзости все и ждали от него. Дерзости, гордыни и вызова. Именно из такого сплава и выковываются легенды.

– Думаешь, этого хватит? – настаивал Минайя.

– Хватит.

Не задавая вопросов, кучка рассеялась. Руй Диас прошел к своему ложу, нащупал в темноте и отложил в сторону тяжелое вооружение, взял седло и попону и направился к коню. Конь – это жизнь всадника, и потому Руй Диас всегда заседлывал своего скакуна самолично, не доверяя это никому. Да, впрочем, в поход он и не брал с собой слуг. И никогда – с тех пор, как начал воевать, – не приказывал никому делать ничего такого, что было не по силам ему самому. Он сам установил для себя такие правила. Спал там же, где все, ел то же, что они, носил те же тяжелые латы. И, сражаясь наравне со всеми, всегда лез в самую гущу схватки, выручал в минуту опасности своих воинов, а те – его. Это было для Руя Диаса делом чести. Он никогда не бросал своих людей, никогда не оставлял их – пока живы – среди врагов. И потому воины его дружины верили ему так безоговорочно, что без колебаний пошли бы за ним в самый ад.

Затянув подпругу и взнуздав коня, Руй Диас, как всегда, проверил, висит ли на шее под рубахой распятие, и привычным движением поднес его к губам. Потом подвесил меч на луку седла, похлопал коня по теплой шее, огляделся. По всей дубовой роще сновали темные тени поднявшихся воинов, лязгало оружие, всхрапывали кони, звучали приглушенные голоса. Приказы были не нужны – каждый знал, что ему делать. Спокойное мужество этих людей происходило от их простого душевного устройства: все покорно полагались на волю случая и были готовы к превратностям судьбы, верили, что и жизнь, и смерть predetermined, повиновались приказам естественно, не давая разыграться воображению. Это были прирожденные воины. Безупречные бойцы.

Они разделились надвое. Диего Ордоньес оставил своих и подошел к Рую Диасу. Широким уверенным шагом.

– Мы готовы, Руй. Дюжина, считая монаха.

– В таком случае – едем, потому что стоять холодно.

Из-за гребня горы выплыла луна, и тринадцать всадников поскакали к ней.

Ожидание боя куда хуже, чем сам бой. У Руя было время подумать об этом, пока он неподвижно, распластавшись на животе, лежал на скалистом отроге Корверы. Обнаженный меч был под рукой. Перед ним совсем близко чернела расщелина оврага, куда лунный свет, делавший тьму не совсем непроглядной, не дотягивался. За спиной у него простиралось к востоку усыпанное звездами полотнище неба.

Где-то в отдалении – очень далеко – слышался одиночный волчий вой.

Такая уж эта штука, война, снова подумал Руй Диас: девять мер терпения и одна – отваги. И первое взрастить и воспитать в себе куда трудней, чем второе. Трудней и утомительней. За шестнадцать лет боев и походов приходилось ему видеть, как испытанные воины, неустрашимые бойцы теряли душевное равновесие, стоило лишь ожиданию затянуться. И терпели поражение, еще не успев вступить в схватку. От напряженного ожидания. От неопределенности.

В детстве, когда в Виваре он фехтовал на деревянных мечах, мечтал о героических походах, славных битвах с маврами, вроде тех, о которых зимними вечерами у огня повествовали

трубадуры, Руй Диас думал, что война – это бесконечная цепь боев, череда стычек и схваток, это рубка под хриплый клич «Испания и Сантьяго!». Но уже довольно скоро убедился, что война прежде всего – это однообразие и усталость, это томительно долгие переходы, когда терпишь зной и стужу, голод и жажду и, стиснув зубы, ждешь благоприятное время, а оно либо вовсе никогда не наступит, либо пролетит молниеносно, так что не успеешь даже ухватить подробности, – когда думаешь только об одном: как бы половчее нанести или отбить удар – и следуешь единственному правилу: хорошо дерешься – выживешь, плохо – погибнешь.

Он усвоил все это с первого раза. С первого ожидания и первого боя. Усвоил раз и навсегда в пятнадцать лет и больше уже не забывал никогда.

Отец, как и полагалось людям его звания, радея о будущности сына, отправил его ко двору в пажи к инфанту дону Санчо. Обычный путь для юношей благородного происхождения, которые поступали в обучение при дворе среди аристократов и прославленных воинов и смиренно служили, прежде чем испытать себя на войне – воевали же в ту пору не столько с магометанами, сколько с наваррцами и арагонцами, – дожидаться посвящения в рыцари и получить все права и привилегии, причитающиеся кастильскому неродовитому дворянству.

«Ты станешь моим знаменосцем», – пообещал ему позже дон Санчо.

...Слабый звук – клок-клок-клок – прервал его воспоминания. Сперва Руй Диас подумал, что это камень скатился на дно лощины, но если услышал он, значит могли бы услышать и мавры, находившиеся внизу, – по крайней мере, тот, кто стоял на часах. Руй Диас, весь подобравшись, приподнялся на локтях и взглянул. На биваке уже не было костра – только светились красным последние догорающие головни. Все вроде бы было спокойно.

– Ничего, – прошептал Диего Ордоньес, примостившийся рядом.

Были же когда-то славные времена, думал Руй Диас, вновь расслабив мышцы. Счастливые времена. Инфант дон Санчо и юный идальго сразу понравились друг другу, и Руй Диас, чье лицо еще не знало бритвы, принял боевое крещение под Граусом, а потом – в походе против Могтадира, эмира Сарагосы, отказавшегося платить положенную дань: начались битвы в чистом поле и под стенами крепостей, и оба подбодряли друг друга в бою, соперничали в отваге и лихости, а потом выхвалялись друг перед другом своими подвигами, как мальчишки, какими, впрочем, оба и были.

«Ты станешь моим знаменосцем». Это обещание грело душу, как горячее вино. Четыре надменных слова обещали славу.

«Ты станешь моим знаменосцем».

Дон Санчо произнес эти слова после битвы у реки Хилоки, когда усталое кастильское войско после победы перестраивалось в долине. Произнес, еще не успев снять шлем, а потом стянул обагренную кровью агарян⁶ латную перчатку и протянул Рую Диасу руку. Это пообещал ему будущий король в тот день, который мог бы стать – хоть и не стал – для обоих последним, в тот день, когда они рубились плечом к плечу, сражались со всем пылом юности и беспощадностью истых воинов, уверенных, что перерезать мавру глотку – значит совершить богоугодное дело. А юная кастильская знать – такие принцы, как этот, с открытой рыцарской прямоотой протянувший ему руку, – неизменно держит свое слово.

«Ты станешь моим знаменосцем, Руй Диас». Станешь тем, кто состарится рядом со мной, кто, изборожденный шрамами, заслуженными в боях, будет вздымать в битвах мое знамя. Кто будет пить со мной на пирах и рассказывать дамам о наших подвигах. Клянусь в этом именем Господа.

И он сдержал клятву. Или – оба они. После этого Руй Диас выходил на поединки за честь Кастилии и возил знамя своего повелителя в самых кровопролитных битвах. Тем не менее

⁶ *Агарянами*, или сарацинами, равно как маврами и магометанами, в те времена называли всех мусульман Пиренейского полуострова, с которыми в описываемое время соседствовали и воевали испанцы.

случай и жизнь играют по собственным правилам, и вот Смерть не в свой черед выложила на стол карту. И тогда, к вящему ущербу для христианства, королевство разделилось на три части и началась война кастильцев против галисийцев и леонцев, окончившаяся подлой засадой под стенами Саморы. Так настал конец и королевской жизни, и героической дружбе, и мечтам о славе. Альфонсо, среднего сына, отличавшегося нравом нерешительным и малодушным, в отрочестве служившего при дворе всеобщим посмешищем, Санчо и его паж Руй Диас просто не принимали всерьез, не приглашали разделить с ними забавы, никогда не откровенничали с ним – и вот он-то возложил на себя корону Кастилии и Леона. И как тяжеловесная несмешная шутка небес, ударила у самых ног Руя Диаса молния.

На лунный диск, висевший уже очень низко, наплыла туча. Воины давно ждали этого.
– Ну, с Богом, – сказал командир.

Перекрестился, встал, стиснул зубы, взялся за рукоять меча.

«Отче наш, суший на небесах».

Еще двенадцать теней окружили его и – поначалу бесшумно, крадучись, а потом уже не таясь, с каждым шагом все громче грохоча сапогами – устремились по скалам вниз, в лощину, переходя на бег и спотыкаясь о кустарник. У каждого на рукаве была белая повязка – чтобы отличать своих от чужих. Чтобы не перерезать друг друга в темноте.

Поразительно, подумал Руй Диас, на что готовы люди ради куска хлеба или серебряной монеты.

«Да святится имя Твое».

В вышине помаргивали далекие, холодные, ко всему безразличные звезды. Они давно привыкли к тому, что люди убивают друг друга.

«Да придет царствие Твое».

Расстояние было невелико. Но Руй Диас оглох от собственного прерывистого дыхания, от ударов крови в висках. Последние шаги он одолел бегом. И был почти у цели, когда из лощины вдруг долетел испуганный крик по-мавритански – кто-то поднял тревогу. Однако нападавшие уже ссыпались вниз, и, когда тучи раздернулись, в лунном свете блеснули клинки.

– Сантьяго! – грянул голос Диего Ордоньеса. – Кастилия и Сантьяго!

Впереди взметнулись и беспорядочно заметались тени. Крики ужаса, позванивание стали, выползающей из ножен, придушенные голоса, звуки ударов. Тунк-тунк, заговорили лезвия мечей, въедаясь в мясо, дробя кости. Тунк-тунк-тунк.

– Живьем! Одного кого-нибудь возьмите живым! – завывал Руй Диас.

Перед ним возникла черная – против лунного света – человеческая фигура. Белой нарукавной повязки он не заметил и потому слева направо нанес удар, а за ним сразу же – второй, справа налево, услышав, как клинок с шипением рассек человеческую плоть. Тень, без стопа, без вскрика, опрокинулась, распласталась по земле.

– Одного – живым!

Внезапно все стихло. Схватка заняла столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть «Отче наш». Теперь слышны были только тяжелое, вразнобой, дыхание воинов да чьи-то приглушенные стоны. Кастильцы ощупью искали своих, узнавали друг друга.

– Все целы? – спросил Руй Диас.

Ему откликнулись поочередно разноголосые «да». Только один вывихнул лодыжку, когда бежал по склону. Пустяки. Что касается мавров, то Диего Ордоньес произвел подсчеты.

– Было пятеро, – сказал он удовлетворенно. – Двое живы.

В зыбком неверном свете зари предстали они – три убитых мавра, двое живых. Руй Диас отправил разведчиков на север, по римской дороге, чтобы мавры не застали врасплох. Прочие остались в лощине, разглядывая остатки маленького лагеря, хотя пожить там было

и нечем: мавританские одеяла, две попоны из овечьей шерсти, кое-какое оружие, седла, пять лошадей. Когда обшарили мертвых и живых, к скудной добыче прибавились две-три серебряные вещицы и несколько золотых монет – христианских и мусульманских.

– Один раненый до вечера не дотянет. – Диего Ордоньес помолчал, фыркнув жестоким смешком. – Да и другому, похоже, не судьба.

Руй Диас рассматривал убитых. Все трое были молодые бородатые парни, с темными неподвижными глазами, уставленными в никуда и уже успевшими припорошиться пылью. У всех были длинные, давно не мытые волосы – мавров зарезали, прежде чем они успели закрутить тюрбаны. Смерть уже тронула оливковым тоном смуглые лица. Бурнусы и альхубы⁷ были располосованы ударами мечей, струйки крови впитались в землю. Мухи – неизменные победители всех сражений – уже слетелись на них роем.

– Это мурабиты⁸.

Диего Ордоньес провел ладонью по лысому темени. От бессонной ночи бронзовое лицо будто засалилось. Если бы не одежда и оружие, он легко сошел бы за любого из этих мавров – живых или убитых. Руй Диас задержал на нем взгляд:

– Не далековато ли они забрались?

– Посмотри на татуировки.

Руй Диас наклонился над телом, всматриваясь внимательней. Да, так и есть: на правой кисти – корявое изображение синеватой звезды о пяти лучах. Подняв голову, он наткнулся на взгляд Ордоньеса: тот значительно кивнул.

– Начинают чересчур дерзить.

Руй Диас осмотрел руки остальных. И у пленных, и у мертвых – за исключением одного, с отрубленной и неведомо куда девавшейся кистью, – на руках был тот же рисунок.

– Сукины дети, – процедил Ордоньес. – Мерзкое отродье мавра Измаила.

Руй Диас задумчиво поскреб бороду. Дикое, фанатичное до умоисступления племя мурабитов, превосходных воинов, которое покорило весь север Африки, часто навевалось на полуостров по приглашению эмиров, ослабевших после Аль-Мансура, и становилось ударной частью их войск, получая за это и плату, и добычу. Бывало, что их нанимали и для войн с единоверцами-мусульманами, которые друг друга ненавидели не меньше, а порой и больше, нежели христиан. И потому не было ничего странного в том, что какой-то вождь мурабитов решил, воспользовавшись хорошей погодой, пощипать на свой страх и риск приграничные селения по реке Дуэро. Тем не менее за Гуадамьель они сунулись впервые.

– Посмотрим на пленных.

Их было двое: один со связанными за спиной руками стоял на коленях, другой лежал на спине, а живот ему кто-то прикрыл его же собственным размотанным и окровавленным тюрбаном. Этот второй – молодой, с курчавой негустой бородкой – был бледен, дышал медленно и трудно. Руй Диас опустился рядом с ним на колени, сдернул ткань и увидел вспоротый живот с кровоточащими синеватыми кишками. Жить парню оставалось недолго, и остаток этот будет мучителен. Звенели обезумевшие мухи, роясь над раной. Руй Диас снова накрыл ее.

– Больно? – спросил он по-арабски.

Мавр не ответил и только крепче сжал губы.

– *Antum murabítín?*

Тот попытался поднять голову, и лицо его исказилось гримасой боли. Или горделивой ненависти.

– Да, – сквозь зубы процедил он.

⁷ *Альхуба* – род мужской верхней одежды, присобранной в поясе.

⁸ *Мурабиты*, известные нам как альморавиды – от «аль-мурабитун», люди рибата, сторожевого дома, выстроенного на границе мусульманских владений для их защиты, – члены религиозного мусульманского братства, основанного Абдуллоу ибн Ясином в Сенегале и Сахаре для борьбы за «чистый ислам».

– Говоришь по-христиански?

В ответ на этот вопрос мавр попытался плюнуть в лицо Диасу – но тщетно. Во рту у него пересохло. Он еще раз повторил попытку, с мучительным усилием двигая губами, пока Диего Ордоньес, наклонившись, не ткнул его кулаком.

– Брось, – сказал Руй Диас.

– Пусть плюет в свою потаскуху Фатиму.

– Брось, говорю.

Ордоньес потирал кулак, мутно поглядывая на раненого. Потом полез в поясной кошель и достал оттуда серебряное распятие, расплющенное и смятое ударами молотка.

– Вот что при нем нашлось. Носил поверх бурнуса. Интересно знать, с кого снял. Может, с той женщины, которую мы нашли первой... там, на ферме... Не помнишь? Память отшибло?

В ответ на дерзкую речь Руй Диас уставился на него тяжелым взглядом. Стерпеть такое он не мог. Разговор шел не с глазу на глаз, спускать подобные вольности – значило подать другим дурной пример.

– Прочь с глаз моих, – отрывисто приказал он. – Убирайся.

Ордоньес побледнел:

– Не надо так со мной говорить, Руй.

– Я сказал – пошел прочь, Диего Ордоньес! – Он в ярости взялся за меч. – Делай, что говорят, не то, Богом клянусь, угощу вот этим.

Ордоньес побледнел еще сильнее, проглотил слюну. Открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но, видимо, передумал. И под бесстрастным пристальным взглядом Руя Диаса промолчал и лишь шумно выдохнул. Потом спрятал распятие, повернулся и двинулся прочь.

– Этот вот разумеет по-нашему, – сказал один из караульных, показывая на пленного со связанными руками.

Ему на вид было лет тридцать – густые курчавые волосы, живые и очень черные глаза. Вернее – один глаз, потому что второй был закрыт красноватым и уже лиловеющим кровоподтеком, тянувшимся от лба к виску. От него пахло потом и дымом. Он был в одной рубашке, с голыми ногами, и, кроме синяка, иных повреждений на виду не замечалось – если не считать, что разорванная мочка подкапывала на плечо кровью: охранник только что выдрал у него из левого уха золотую или серебряную серьгу.

– Говоришь по-нашему?

– Да.

– Что вы здесь делали?

Молчание. Мавр отвел глаза и уставился в землю.

– Сам знаешь – мы тебя убьем.

– Знаю, – пробормотал пленный, не поднимая глаз.

– И смерть твоя может быть быстрой и легкой, а может – и долгой. От тебя зависит, что ты предпочтешь. Долго будешь мучиться – или нет.

Мавр чуть двинул головой:

– Я – мурабит.

– Да знаем мы, кто ты. – И показал на татуировку. – Видали эти знаки на кистях твоих сотоварищей. А еще видели то, что вы оставляете в поселеньях после себя.

Мавр скользнул глазами по телам убитых и потом – по умирающему:

– Мы никогда не проходили через поселенья... Никогда! Клянусь! Клянусь своей головой.

Он совсем недурно владел кастильским наречием. Руй Диас понял, что пленный не только что переплыл Пролив. И это не первый его набег на христианские земли. Он придвинулся ближе и прошептал в изуродованное ухо почти дружески:

– А та женщина на ферме? А двое стариков, распятых на воротах? Ты забыл их, Мухаммед?

Здоровый глаз заморгал беспокойно.

– Я не Мухаммед. Не упоминай священное имя.

– Да плевал я на твое священное имя. И мне дела нет, как тебя зовут... Я спрашиваю, помнишь ли ты этих людей?

Мавр помотал головой:

– Нет.

– На самом деле не помнишь?

– Нет.

Руй Диас, не теряя спокойствия, вздохнул. Опустился на колени рядом с пленником:

– Скажи-ка мне, сколько у вас людей и далеко ли думаете зайти?

– Не понимаю, о чем ты. Каких людей?

– Кто ваш командир?

Мавр понурился, упрямо сжал губы. Руй Диас ухватил его за волосы и вздернул голову кверху.

– Когда наметили пройти здесь на пути к реке? Переправляться будете вброд?

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Говорю же...

Руй Диас разжал пальцы и обернулся к своим воинам, с любопытством наблюдавшим за допросом. Только Диего Ордоньес с обиженным видом сидел в сторонке на камне.

– Принесите сала.

Один из воинов отправился к лошадям и вскоре вернулся с вьюком на плече. Подошел к Рую Диасу и протянул ему нечто завернутое в чистую тряпицу.

– А что это такое, Мухаммед, тебе известно?

Он размотал обертку и показал белый, с красноватыми прожилками кусок сала размером с ладонь. От жары оно уже начало пованивать.

– Смотри-смотри внимательно. Это свиное сало.

Он подошел к мавру, снова уставившемуся в землю.

– Ты ведь никогда не едал такого, а?

Мавр не отвечал и не поднимал голову, но Руй Диас заметил, что он с омерзением краем глаза рассматривает сало.

– Я тебе расскажу, что сделаю с тобой, прежде чем резать, – сказал Руй Диас очень спокойно. – Рожу тебе этим салом натру. А когда перережу глотку, засуну по доброму ломтю в глотку и в задницу и в таком виде отправлю в рай к твоим гуриям, и тут-то у тебя перед носом и захлопнут врата... Ты достаточно хорошо понимаешь наше наречие? Ты понимаешь, что я тебе говорю?

Мавр моргал здоровым глазом так часто, словно утратил власть над своим лицом. Ужас исказил его. Теперь, помимо крови из разорванного уха, со лба на кончик носа ручьями заструился пот. От мавра исходил столь знакомый Рую Диасу особенный запах. Кисловатый запах отчаянья и страха.

«Уйли, – пробормотал пленник. – Горе мне». И отдернул голову, когда Руй Диас стал подносить к его губам сало.

– Ты умрешь нечистым, Мухаммед. – Слова падали медленно, как капли расплавленного свинца. – Клянусь тебе истинным Богом, который все видит и все ведает... Ты умрешь не как подобает воину, а как нечестивец, лоснящийся и смердящий салом, как неверный пес. Досчитаю до пяти, а уж ты решай. Один... два...

– Постой.

Он наконец вскинул голову. Взглянул на Руя Диаса с душераздирающей тоской в глазах. Потом облизал пересохшие губы и монотонно, очень медленно, так отчужденно, словно уже ступил за порог невидимой двери, сам, без уточняющих вопросов, рассказал все: численность отряда, намерения, направления движения. Окончив, замолчал, снова уставившись в никуда. Здоровый глаз словно заволокла пелена пустоты.

Руй Диас выпрямился во весь рост, отряхивая с одежды пыль. Взглянул на своих людей и кивнул. И один из них – тот самый, кто приносил сало, – обнажил кинжал. Услышав позывание стали, мавр, словно вспомнив что-то, посмотрел на Руя и умоляюще произнес:

– Пить.

– На том свете попьешь, – сказал воин с кинжалом, уже сделавший шаг вперед.

– Дайте ему воды, – приказал Руй Диас. – Имеет право.

Его люди переглянулись: сперва недоуменно, потом одобрительно. Принесли мех с водой, приставили его к губам пленного. Тот глотнул коротко – только чтобы смочить губы. Не расходуя понапрасну воду, принадлежащую тем, кто собирался его убить. Потом отодвинулся, взглянул на небо и сказал, покорно принимая свой удел:

– Аллах акбар.

Пленного зарезали умело и ловко, а потом с любопытством смотрели, как бьется в последних судорогах его тело, пропитывая землю кровью.

– Одним меньше, – промолвил кто-то.

Руй Диас наблюдал за своими воинами – выдубленные ветром, стужей и солнцем лица, морщины вокруг глаз даже у самых юных, мозолистые ладони, привычные к рукоятям мечей. Бойцы, осеняющие себя крестным знаменем, прежде чем ринуться в схватку, продающие и жизнь свою, и смерть. Такие обычно и водятся в пограничье. Не злодеи, сделал он вывод. И даже не вполне чужды состраданию. Просто суровые люди в суровых обстоятельствах.

Мавр наконец затих. Руй Диас показал на разоренный бивак:

– Заберите всё.

Диего Ордоньес – все такой же надутый – по-прежнему сидел в отдалении на камушке. Руй Диас подошел и сел рядом, меж тем как над самым гребнем стало подниматься красноватое солнце.

– Ты не должен был так говорить со мной, – проворчал Ордоньес. – Я тебе не кто попало.

– А ты не должен был распускать язык. Пора бы знать это.

Они посидели молча, шурясь от солнца, гревшего им лица. Наконец Руй Диас со вздохом хлопнул себя по бедрам и поднялся.

– Добей второго, – сказал он. – Головы отруби, сложи в мешок, спрячь пока в тень.

Старшина показал на встающее солнце:

– Не поможет – все равно скоро засмердят.

– Знаю, да ничего не поделаешь... Не знаю, сколько мы еще отрубим голов до возвращения, но – чем больше привезем, тем лучше будет.

– Ясное дело. – Ордоньес криво усмехнулся. – Магистрат Агорбе желает знать, на что он отпустил деньги.

V

Отряд неторопливо ехал на север, двигаясь по старой дороге навстречу маврам, которые рано или поздно непременно попытаются здесь пройти.

По этой дороге, сложенной из больших каменных плит, до сих пор оставшихся в хорошем состоянии, за последние восемь-десять веков прошли римские легионы, орды варваров, полчища готов, армии мусульман. Кое-где на обочинах еще сохранились столбы, отмеряющие мили. Руй Диас в очередной раз убедился, что задумана она была так умно, а проложена так прямо, что превратилась в артерию, по которой текла история народов, пусть бы тем запыленным и усталым всадникам, что скакали за ним, да и ему самому не было сейчас до этого никакого дела. Достаточно того, что ехать по ней удобней, чем через поле напрямик. Да, этого достаточно, и, видит Бог, это – очень немало.

Дорога бежала вдоль пустошей, ближе к вечеру пейзаж немного оживился сосновыми рошицами вокруг холма с развалинами крепости на вершине. Руй Диас ехал в голове колонны, за ним – Минайя и знаменосец Педро Бермудес, за ними – основные силы, за ними – вьючные мулы, а замыкал Диего Ордоньес с несколькими всадниками. Руй Диас, сложив руки на луке седла и повесив на нее шлем, видел, как далеко впереди медленно движутся двое разведчиков – передовой дозор.

– Хорошие ребята, – сказал поравнявшийся с ним Минайя.

Руй Диас кивнул, не спуская с них наметанного взгляда. Дозорные всегда ездили парами, чтобы один в случае надобности мог помочь другому. Бывали пары удачные, бывали – нет. Эта была из лучших: кастилец Галин Барбуэс и арагонец Муньо Гарсия – молодые, проворные, зоркие, рискованные, но не безрассудные – на славу притерлись друг к другу и друг друга дополняли. Они быстро разработали собственные условные сигналы, позволявшие хранить молчание и объясняться взглядами или жестами, понимать, зачем напарник свесился с лошади, вглядываясь в следы, или привстал на стременах, озирая окрестности. Они всегда держались поодаль друг от друга, но – в пределах видимости и шагах в двухстах от головы колонны. И чутко ловили любой признак опасности. Любой намек на приближение врага.

– Помнишь дорогу на Мединасели, Руй? Дело было лет тринадцать назад.

– Помню, конечно.

Минайя подбородком показал на дозорных:

– Мы с тобой тогда ехали, как эти двое. За нами, в двух полетах стрелы, шло войско инфанта дона Санчо. И тут вдруг – мавры!

– Ты первым их заметил.

– Да не важно, кто их заметил. Выскочили из перелеска и бросились на нас. На меня, верней, – я был ближе... Ты мог бы дать шпоры коню и ускакать. Но вместо этого бросился ко мне на выручку.

Не отводя взгляда от дозорных, Руй Диас кивнул:

– От них не ускачешь... Все равно погибнешь – только обессиленным и обесчещенным.

– Да, так мы считали в ту пору, – засмеялся Минайя. – Потому что были слишком молоды.

Теперь бы так не сказали.

– Нет, не сказали.

– Скольких мы зарубили тогда? Ты помнишь? У меня они порой путаются.

– Пятерых. Того, кто наскочил на тебя с копьём, и еще четверых.

Минайя потрогал левую скулу, вдоль которой меж оспин шел рубец.

– Ты – троих, я двоих. Будущий король смотрел на нас издали. Славный был день.

– Недурной.

– Первые убитые мавры... В смысле – не христиане, потому до того мы еще успели повоювать с арагонцами в Граусе, когда отправился на тот свет король дон Рамиро⁹, упокой, Господь, его душу.

Один из дозорных – тот, который ехал по правой обочине дороги, остановился. Руй Диас видел, как он всмотрелся в сосновую рощицу, пришпорил коня и через несколько шагов вновь остановился. Его напарник медленно пересек дорогу и подъехал к нему. Потом они короткой рысью разъехали и двинулись дальше. Значит, ничего тревожного не заметили. Может, птицу, может, зверя.

– Да, славный был день под Мединасели, – повторил Минайя, предаваясь сладким воспоминаниям. – Спустя несколько дней нас посвятили в рыцари. А через год ты стал знаменщиком дона Санчо.

– Да.

– Быстро время летит, Руй...

– Слишком быстро. Погляди, где мы оказались.

Кованые копыта монотонно цокали по каменным плитам. Минайя поглядел на полуразрушенную главную крепостную башню.

– Ты мне еще не рассказал про мавров, с которыми нам предстоит иметь дело. Что тебе удалось вытянуть из пленных?

Руй Диас поведал ему подробности. Мавританское войско состояло из полусотни всадников, причем две трети их были мурабиты, – все люди поднаторелые в военном деле и охочие до драки. Командует ими мавр из Феса по имени Амир Бенсур. Остальные – те, кого в Виваре привыкли называть агарянами, – андалусийцы из Альпуэнте и Альбаррасина, объединившиеся в чаянии удачных грабежей. Замысел, как и предполагалось, состоял в том, чтобы перейти Гуадамбель, добраться до Сьерра-дель-Худио и сразу же двинуться назад по римской дороге с угнанным скотом, захваченными рабами и прочей добычей. Разведчиков послали посмотреть на Корверу и проверить, можно ли там будет напоить лошадей. К этому часу отряд уже должен был разорить деревню в Гарсинавасе и двинуться в обратный путь. Это значило, что сейчас мавры – на севере, до них один-два дневных перехода и они идут навстречу кастильцам.

– Что рассказали про своего предводителя?

– Это сын мавританского богослова и невольницы-христианки. Лет тридцати пяти, повоювавший, опытный, умелый... Год провел в Испании. Король Малаги выписал его из Африки с двумя сотнями копейщиков, чтобы помогал собирать дань с Севильи и вообще держал тамошних в узде. Судя по всему, он с поручением справился. И с частью своего войска двинулся в пограничье искать удачи... Людей у него примерно столько же, сколько у нас.

– Тяжеловооруженные тоже с ним? Рыжий монашек сказал, что всех штурмовавших разглядеть не мог.

– Человек восемь-десять. Не больше. Латники. У прочих – луки и копья. По крайней мере, так показал пленный.

– Если этот Бенсур – такой правоверный мурабит, как предписывает Пророк, он должен быть настоящим фанатиком.

– Такой и есть. Смертная казнь – всем, кто не исполняет заповеди ислама. Запрет на вино и игру. Даже на шахматы – представляешь?

Минайя сплюнул вперед, меж ушей своего коня:

– Вот ведь сволочь, а.

– Не говори.

⁹ В начале 1063 года король Арагона Рамиро предпринял поход против Сарагосы и осадил крепость Граус. Правитель Сарагосы Ахмад I аль-Муктадир обратился за помощью к королю Кастилии и вместе с ним отбил Граус. В ходе сражения Рамиро был убит.

– Неудивительно, что пиренейские эмиры отправили его в пограничье – тоже небось захотели отдохнуть от его исламских добродетелей. И в надежде на то, что он не вернется.

Руй Диас поглядел на дозорных, снова теперь ехавших в двухстах шагах – каждый по своей обочине.

– Это от нас зависит, – сказал он. – Чтобы не вернулся.

Минайя засмеялся, скребя в бороде:

– Дай-то Бог...

– Непременно даст, если ты Ему поможешь.

Крепость, возведенная во времена визиготов¹⁰, а может быть, и римлян, была почти разрушена. Уцелели – и то частично – лишь главная башня и кусок стены, в тени которой отряд и расположился на привал. С этого места открывался превосходный обзор на большую часть римской дороги. Обнаружилась и *альхибе* – емкость с дождевой водой, грязной и илистой, однако ее, разлив в кожаные ведра и процедив через тряпки, сделали пригодной для питья и людям, и лошадям. Поблизости росло несколько оливок и два рожковых дерева, с ветвей которого воины быстро оборвали плоды.

– Людям – ужинать и отдыхать, – приказал Руй Диас. – Минайя, дозорного на башню. Только скажи, чтоб лез осторожно – стену бы не обрушил и шею бы себе не сломал.

– Будет исполнено.

– Ночью тронемся в путь. Выедем с первыми петухами, пока луна не взошла.

Он спешил. Расседлал и разнуздal коня, вытер ему спину попоной, прежде чем бросить ее наземь и растянуться на ней в тени старых деревьев.

– Огня не разжигать, еду не варить. Кто голоден – пусть ест всухомятку.

Руй Диас стащил с себя кольчугу, отстегнул шпоры, снял сапоги, приспустил штаны, чтобы рассмотреть на левой ляжке, чуть ниже паховой складки, потертость, которая от таких долгих переходов, от постоянного трения о седло, от пота и грязи сильно воспалилась. Может нагноиться, подумал он с досадой. Надо бы вычистить да прижечь, однако пока с маврами не решено, ничего нельзя сделать. Он ограничился тем, что промыл ее уксусом и, не вытирая, высушил на солнце.

Прикосновение к голому телу навело его на мысли о жене: в Сан-Педро-де-Карденья Химена с дочками ждут от него вестей. Он вспомнил ее – белую кожу, круглые груди, крутые бедра, созданные для деторождения. Вспомнил глаза и губы.

Ощутил, как встрепенулась плоть повыше зудящей потертости. Он лежал на спине, заложив руки за голову, закрыв глаза. И вспоминал их первый поцелуй – первый и долго остававшийся единственным, – когда он, дерзкий и пылкий, каким и подобает быть в расцвете юности, влез на балкон и этот поцелуй сорвал. За этим последовали – отказ отца, графа Лосано, спесивого потомка королей Овьедо, и оскорбление, которое тот нанес отцу Руя, старому Диего Лаинесу, пришедшему просить руки Химены для своего сына, и в ответ – пощечина, пощечина непоправимая и бесповоротная. И наконец, вызов, посланный Руем отцу своей возлюбленной, и поединок между астурийским графом и юным идальго из Вивара, – поединок в чистом поле на копьях, как предписывают правила чести. Пущенный галопом конь, удар – и граф Лосано, выбитый из седла, лежит на траве и, защищая лицо, вскидывает перед шлемом руку – ту самую, которой он оскорбил седины старика, а значит – и весь род Виваров. И Руй Диас, теперь уже спешившись, приближается, чтобы одним ударом эту руку отсечь и в тот же день в охотничьей сумке доставить отцу, а потом – королю.

¹⁰ *Визиготы* (вестготы) – западная ветвь древнегерманского союза племен, отделившаяся от него в III веке. Считаются предками современных испанцев.

Химена – воплощенное постоянство – долго не прощала его. Даже свадьба по приказу короля, желавшего, согласно обычаям и закону, обеспечить будущность осиротевшей дочери и для того выдать ее за виновника ее сиротства, не сумела растопить лед ее глаз, ее уст, ее плоти. До тех пор, пока Руй Диас, воротившись из трудного и не слишком удачного похода – осады Коимбры, – не вошел в дом весь в дорожной пыли, как был, в доспехах и вооружении – и, по обыкновению, не обнаружил, что двери спальни закрыты. Тогда, осатанев от ярости, он громовым криком выгнал вон всех слуг и, не в силах более сносить свое положение мужа лишь по названию, разнес дверь в щепки и, вломившись в альков, заплакал перед Хименой в первый и единственный раз с тех пор, как был ребенком, и сказал ей так: «Я убил твоего отца в честном бою, лицом к лицу, а не исподтишка. Одного мужчины я тебя лишил, но другого дал тебе». Таковы были его слова. Химена долго-долго глядела на него в молчании, потом нежно прикоснулась к его лицу, словно стирая со щек слезы. Взяла Руя за руку и повела к кровати.

Память. Время, расстояние и память. Руй Диас, еще взбудораженный воспоминанием о теле этой далекой женщины, поднял влажные от испарины веки и стал следить, как кружит ястреб над развалинами башни. Солнце уже было низко, и в сосняке, протянувшимся у подножья холма, как безумные, заливались цикады. Стояло полнейшее безветрие.

«Тебе надо поговорить с ними, – настойчиво сказал тогда Минайя. – Они последовали за тобой в изгнание только потому, что ты – это ты. Но теперь пришла пора поговорить с ними. Они заслужили это своей верностью и молчанием».

Может, сейчас самая подходящая минута, подумал он. Удобный случай.

Он натянул сапоги, поднялся, опоясался мечом. Это было на совесть откованное, в меру увесистое, правильно уравновешенное оружие с обоюдоострым клинком длиной в пять пядей и крестообразной рукоятью, обтянутой кожей до самого навершия-«яблока» и достаточно массивной, чтобы использовать ее в тесноте рукопашной схватки. Оружие, место которому – на поле боя, а не в дворцовых залах; оружие, которое для таких, как он и те, кто последовал за ним, воплощает в себе честь своего владельца и особенность его личности. Не в пример высшей знати, титулованной аристократии, получившей свои привилегии и земельную ренту благодаря славным деяниям предков, идалго из приграничья всем на свете обязаны лишь своим мечам и живут только в настоящем, а особые права и возможность не платить налоги добывают собственной доблестью. И даже простолюдину по истечении скольких-то лет трудов и опасностей дано стать кабальеро.

– Все ко мне! – крикнул он.

И вот они степенно подошли и сгрудились вокруг него, и он увидел любопытство на покрытых рубцами, выдубленных солнцем лицах ветеранов и на безусых лицах юношей, совершавших свой первый поход. Те и другие перемешались, хотя на привалах устраивались у котла по возрасту, месту рождения или родству; все подчинялись железной дисциплине, насаждаемой Минайей и Диего Ордоньесом. Большинство составляли уроженцы Бургоса, но встречались и уроженцы других мест Кастилии, а также один астуриец, двое леонцев и арагонец Галин Барбуэс: сыновья идалго и простолюдины, алчущие богатства и почестей, небогатые или совсем неимущие искатели удачи, закаленные, подобно своим отцам и дедам, четырехвековой войной с неверными – да и с единоверцами тоже. Терять им, кроме жизни, нечего, зато, если повезет, приобрести они могут всё. Сообщество, возникшее на границе двух миров и выкованное для войны.

– Мы здесь, – сказал Минайя.

Руй Диас обвел их взглядом, помедлил, чтобы ожидание сделалось напряженной. Налицо были все двадцать семь человек, кроме двух часовых на римской дороге и одного на башне. Стоял среди воинов и рыжий монашек, который взирал на все с большим любопытством и покусывал стручок рожкового дерева. Стало быть, двадцать восемь.

– Подойдите ближе.

Они повиновались и окружили его. От них несло потом, невымытым телом, конским навозом, насаленной кожей и оружейной сталью. Командир отряда был не мастер произносить речи, хоть при случае и мог блеснуть красноречием. Он владел основами риторики, которым вместе с начатками латыни, истории и счета обучился еще мальчишкой в отчем доме, однако прежде всего в совершенстве знал этих людей, ибо плечом к плечу – а порой и грудь в грудь – с ними он воевал семнадцать лет. И знал еще, что одно дело – говорить с придворными и совсем другое – с солдатами и что слова, произносимые под крышей и на коврах, не следует употреблять, когда ты опоясан мечом и ветер войны у тебя в зубах. Он и сам, без Минайи, знал, что все эти люди оказались здесь ради него. Ибо его имя и его слава обещали добычу и приключение.

– Завтра или послезавтра, бог даст, встретимся с маврами, – сказал Руй Диас, повышая голос, чтобы всем было слышно. – Они идут с богатой добычей, так что постараемся, чтобы она сменила владельцев.

При упоминании грядущей выгоды люди заулыбались и стали переглядываться. Руй Диас, дав им минутку помечтать, положил руку на эфес меча.

– Хочу еще вот что прояснить, если кто пока не понял, – продолжал он. – Король Альфонс Шестой изгнал меня, и вы по доброй воле предпочли последовать за мной. Однако он остается моим государем – так же, как и вашим... В Кастилии мы или в краю мавров, клятва верности нарушена не будет. Приостановить действие присяги нельзя. А потому, сколько бы добычи ни захватили мы, положенную долю будем, как прежде, отдавать королю. – Он еще чуть повысил голос. – И доля эта – неприкосновенна.

Воины вновь переглянулись. Люди из Вивара, как всегда, согласно закивали, но остальные были явно обескуражены. Более того – недовольны. Диего Ордоньес, по обыкновению хмурый, поднял руку.

– А какова она, королевская доля? – неприязненно осведомился он. – Пятая часть?

Руй Диас уперся в него немигающим взглядом:

– Я решу, сколько ему будет причитаться из добычи.

Ордоньес, заложив большие пальцы за пояс, помотал головой.

– Полученной нашим потом и кровью, – едко заметил он.

Руй Диас не перевел глаза на Минайю, хоть и знал, что помощник смотрит на него и думает то же, что и он. А думает он, что в этих людях, как и во всех на свете, намешано и хорошего, и дурного, однако этих свирепых бойцов надобно держать в узде, ибо они ни на миг не забывают, что всем обязаны только самим себе, собственным достоинствам и тяжким ратным трудам, и, кроме гордости, иного достоинства у них нет. Им недостаточно отдать приказ и мало – растолковать его суть. Поведение бойца образуется из того, чего ждут от него, – а потому следует разбередить ему душу. Поводья следует то натягивать, то ослаблять. Управлять воином, добиться от него слепого повиновения – это искусство, которое дано далеко не каждому, но лишь тому, кого остальные считают выше себя, лучшим из всех – и потому уважают. А в бранном деле доказывать, что ты именно таков, проходить через это испытание, ниспосланное Богом и устроенное людьми, надобно каждый день.

– И кровь ваша, и пот принадлежат мне, – промолвил Руй Диас сурово. – Потому что они перемешаны с моей кровью и моим потом.

Ордоньес опустил глаза. Не потому, что его убедили слова командира, – но смиряя себя привычкой к подчинению старшему. Въевшейся в кровь и плоть привычкой повиноваться. Тогда Руй Диас, поочередно оглядев каждого из своих людей – не пропустив и рыжего монашка, – изложил свой замысел. Выйти на римскую дорогу навстречу маврам, подстеречь их там и ударить из засады. Изрубить сколько доведется, освободить пленных, отбить обоз с добычей. При упоминании пленных кое-кто беспокойно затоптался на месте, а Ордоньес, хотя на этот раз не вымолвил ни слова, вновь взглянул на командира неодобрительно. И тот счел нужным разъяснить этот пункт:

– За христиан нам уже уплатил магистрат Агорбе, а потому с них нам ничего не причитается... Все прочее – скотина, деньги, утварь – целиком принадлежит нам. Если кто из мавров останется в живых, продадим в рабство.

Он помолчал, подкрепив намеренную паузу улыбкой.

– А потому убивать – убивайте, однако не слишком увлекайтесь. Пусть потаскухи, которых для них Магомет припас, еще помянутся.

Послышались смешки и грубые шуточки. Неохотно улыбнулся даже Диего Ордоньес, оценив остроту. Руй Диас подобрал ветку и принялся рисовать на земле, продолжая излагать свой замысел:

– Лучше будет, если каждый сейчас поймет, что ему надлежит делать, потому что в бою отдавать приказы будет некогда... Здесь оставим мулов и все лишнее под присмотром одного бойца. Все остальные, в полном вооружении, со щитами за спиной, поскачут на мавров. С этой минуты каждый будет есть и пить только то, что у него с собой. Понятно?

Бойцы выжидательно закивали. Руй Диас завершил чертеж и резко перечеркнул его из угла в угол:

– Дело надо будет решить с одного удара. Главные силы нападут на врага, сомнут его и рассеют, а другая часть, поменьше, займется обозом и пленными, чтоб их не успели перебить.

Тут он снова помедлил и оглядел всех по очереди – так, чтобы каждому казалось, будто он обращается к нему лично.

– Под страхом смерти запрещаю даже прикасаться к добыче, пока хоть один мавр будет жив и не в плену. Это всем понятно?

– Под страхом смерти, – повторил Минайя, в свою очередь обводя воинов взглядом. – Очень даже понятно.

Все, включая Ордоньеса, кивнули. Педро Бермудес, племянник и знаменщик Руя, показал на римскую дорогу:

– А что будет с обоими А-альварами и их людьми?

– Думаю, они пойдут следом за мавританской колонной. По пятам за нею. Если все будет хорошо, двинутся по римской дороге.

– Они смекнут, что происходит?

Руй Диас стер рисунок и выпрямился, отряхивая руки от земли:

– Оба они – люди опытные, поднаторелые в этом деле. Уверен – сообразят, что к чему. И сумеют встретить бегущих мавров... Кто еще хочет спросить?

Таковых не нашлось. Бойцы взирали на него удовлетворенно и почтительно. Чувствуя себя в надежных руках. Для ветеранов Руй Диас был давний товарищ по оружию, хороший начальник, который к тому же был известен тем, что добычу всегда делит по справедливости. Для молодых – просто легенда. А на самом деле призвание командира в том и состоит, чтобы разработать план действий и убедить других следовать ему, даже если это и приведет их к гибели.

Руй Диас переглянулся с Минайей и снова возвысил голос:

– Вы связали свою судьбу с моей, и всего золота мира не хватит, чтобы уплатить вам этот долг. Однако все же кое-что могу вам пообещать. Мы будем сражаться и сегодня, и потом, и о нас с вами будут говорить и христиане, и агаряне. Поручкой в этом будет мое слово. Враги будут проклинать наши имена, друзья – восхищаться нами и тем, что мы совершили. С Божьей помощью.

Договорив, он перекрестился. И по рядам его бойцов, склонивших головы и тоже осенивших себя знаком креста, пролетело негромкое, но дружное: «С Божьей помощью».

Монашек поднял руку, благословляя всех:

– *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, amen.*

VI

Казалось, они едут к луне, висевшей над самым горизонтом, куда уходила римская дорога. Рассеянный свет вырывал из полумрака деревья и скалы, удлинял тени людей и лошадей. Все это придавало призрачный вид колонне, которая двигалась медленно и почти беззвучно, если не считать цоканья копыт о гладкие плиты дороги.

Руй Диас, по обыкновению, ехал впереди, со щитом за спиной, с копьём у правого стремени и луки седла, с мечом в кожаных ножнах – у левого. Исполняя собственный приказ, он надел кольчугу, набросил на голову ее капюшон, защищавший шею и затылок, а поверх натянул шлем – к неудобству такого облачения он и его люди давно привыкли. Ночная тьма часто бывает чревата неприятными неожиданностями. Если мавры по какой-то причине решат двигаться вперед, а не разбить бивак, вполне вероятно столкнуться с ними нос к носу во мраке.

Он думал (такая уж у него была обязанность – думать и предвидеть) о двоих невидимых сейчас дозорных, которых выслал вперед. Он снова отрядил лучших: Галина Барбуэса и неразлучного с ним Муньо Гарсию. И приказал соблюдать на марше все предосторожности, вслушиваться и всматриваться, чтобы не пропустить даже намека на стоянку или авангард. Это было особенно важно, потому что мавры, становясь лагерем, выставляли дальние сторожевые посты, а если двигались, высылали разезды. В последнем случае, поскольку они считали, что римская дорога свободна до самой Корверы, Барбуэс и Гарсия смогли бы, при известном проворстве и везении, уничтожить разведчиков и тем самым ослепить отряд, идущий следом.

Филин на соседнем дереве захлопал крыльями, устремил серебряные глаза на всадника. «Добрая примета», – подумал тот. Взглянул на луну, взбирающуюся по небосводу все выше, а затем, полуобернувшись в седле, – на конную колонну, двигавшуюся за ним. Потом поерзал немного, стараясь сесть так, чтобы подушка седла поменьше терла ранку на левой ляжке, и снова принялся всматриваться вперед – туда, где, как масло, разливалось по старым камням лунное сияние.

И оно привело ему на память другое, озарявшее стены Саморы в ту ночь, когда у него на глазах был убит в спину отважный и честолюбивый король Санчо, который попытался было вновь объединить королевство, недавно разделенное на три части по воле выжившего из ума отца. Так окончилась жизнь короля Санчо, а с нею вместе – и благополучие его друга и знаменщика Руя Диаса. И так же, как светит сейчас луна на римскую дорогу, светила она в тот день, когда вступил он на путь, что привел его в конце концов к изгнанию.

На миг Руй Диас дал волю горьким мыслям. Об утраченном и обретенном. Он служил дону Санчо с беззаветной преданностью. Юный инфант, впоследствии король, отличался нравом крутым и нетерпеливым: он презирал слабых и потому терпеть не мог своих братьев Альфонсо и Гарсию, заявляя, что у сестры Урраки мужества больше, чем у обоих, вместе взятых, – и не знал жалости к врагам. Но зато уважал отвагу и верность. Ему и самому в полной мере присущи были эти свойства, и когда он снимал перчатку и протягивал правую руку, в этом не было ни двусмысленности, ни притворства. За этого человека – инфанта, короля, природного повелителя – можно было убивать и умирать, и Руй Диас, многократно отнимая чужие жизни, очень часто готов был отдать и свою собственную. Так было, когда он, еще паж в ту пору, кинулся с одним кинжалом между королем, сброшенным с коня, и разъяренным кабаном; так было и в битве при Гольпехере, когда после атаки кастильцев и леонцев дон Альфонсо он – уже знаменщик дон Санчо – сумел спасти короля, окруженного тринадцатью всадниками, готовыми схватить его коня за узду и потащить в свой лагерь. В этот миг Руй Диас передал знамя помощнику, чтобы освободить руки, и с яростным воем ринулся на врагов – и, не имея иного подспорья, кроме коня и меча, убил или ранил двенадцать, одного обратил в бегство – и спас своего господина.

«Он в одиночку дерется с тринадцатью!» – подняв кубок с вином, ликующе объявил своим придворным дон Санчо, когда праздновали победу. На что его знаменщик, пожав плечами, ответил вполголоса: «Я дерусь с одним, государь. А если рядом оказывается второй, дерусь со вторым. А Господь, который ставит их передо мной, дарует мне присутствие духа и терпение».

Руй Диас поморщился с горечью. Да, это был настоящий король. Цельный, благородный, жизнелюбивый, надменный, воинственный. Проживи Санчо Второй подольше, он сумел бы затянуть петлю на шее мусульманских эмиратов, раздираемых вечными распрями и слабеющих с каждым днем: с покоровшимися маврами он заключил бы мир в обмен на дань, а непокорных и чересчур прижимистых утопил бы в крови. Однако вмешалась судьба и привела его под стены Саморы, залитые лунным светом, подобным тому, что озаряет сейчас медленный шаг отряда. Не дал Господь. Или, по крайней мере, думал Руй Диас, слыша, как в такт лошадиному шагу постукивает меч о седло, пока не дал.

Дозорные вернулись на заре, едва лишь забрезжил первый свет дня – когда, как говорят исламские богословы, уже можно отличить белую нить от черной и, значит, начать молитву. Луна скрылась за тучами, и, как всегда в это время суток, стало холодно. Всадники спешили и, давая роздых лошадям, вели их в поводу, а в полумраке уже угадывались очертания местности, по которой шли люди и животные.

С севера на дороге появились двое всадников. Они ехали рядом, размашистой рысью – судя по тому, как стучали копыта их коней. В полутьме не понять было – возвращается ли это передовой дозор, и Руй Диас приказал Диего Ордоньесу двинуться навстречу. Тот вскочил в седло, обнажил меч и дал коню шпоры, быстро сближаясь со всадниками. И вскоре – уже шагом – вернулся с обоими.

– Мавры меньше чем в двух лигах отсюда.

Все трое спешили. Слышно было, как тяжело дышат лошади.

– Встретили их после вторых петухов, – уточнил Барбуэс. – Они сворачивали лагерь и готовились выступить. Костров не разводили, но луна была высоко – мы разглядели. Похоже, торопились.

– И еще похоже, что привал у них был недолгий, – добавил Гарсия. – Неслись во весь дух – видно, чтобы поскорее добраться до брода.

– Много их?

– Точно не скажу – не разглядеть было... Так, примерно, человек сорок.

– Я думаю, больше, – сказал Барбуэс. – И это совпадает с тем, что сказал мурабит.

– И пленные с ними?

– Уверен, что да. Ближе нам было не подобраться – боялись, что заметят, – но все же видели скольких-то пеших. И вроде бы еще – скотину. И еще пару телег. Это все, конечно, сильно их задерживает. Потому они и привал сократили.

Разведчик поднял голову к небу, которое на востоке уже светлело, давая возможность разглядеть очертания ближайших деревьев. Обозначился и его орлиный профиль под стальным шлемом.

– К полудню их следует ждать здесь, сеньор.

Руй Диас в раздумье сделал несколько шагов. Он выпустил из рук поводья, но конь послушно шел за ним, дотрагиваясь губами до хозяйского плеча. Командир, напрягая зрение, осматривался вокруг, пытаясь разглядеть то, что еще скрывала ночь и что могло бы сослужить добрую службу, но в эти минуты все вокруг него было лишь зыбкой, нечеткой границей между светом и тьмой: свинцовые тучи, закрывшие луну, черные холмы в отдалении, контуры деревьев, проступающие на фоне неуклонно светлеющего неба, где уже меркли звезды.

– Половина дневного перехода, – настойчиво проговорил Барбуэс. – Не больше.

Руй Диас кивнул, продолжая всматриваться в округу. А мысленно он уже расставлял фигуры на шахматной доске войны.

– Здесь мы их и подождем, – вымолвил он наконец.

Солнце стояло уже высоко и успело раскалить доспехи, хоть всадники и попрятались в дубовой роще, в тени деревьев. Минайя, повесив шлем на луку седла, но оставшись в кольчужном капюшоне, из-под которого ручьями лил пот, оглядывал, на сколько хватало взгляда, старую римскую дорогу:

– Пора бы уж им появиться.

Сказано было спокойно и терпеливо. Без тени недовольства или волнения, хоть они и ждали мавров с рассвета. Руй Диас ничего не ответил на это. Он, как и его помощник, не сводил глаз с дороги, с минуты на минуту ожидая появления дозорных – стремительных и незаметных Барбуэса и Муньо Гарсии, – которые сообщат о приближении мавров. После третьих петухов дозорных вновь отправили на разведку на север, дав им приказ глядеть в оба, но самим на глаза не попадаться. Остальные воины стояли в сотне шагов, в лощине, делившей надвое дубовую рощицу.

– Хорошо, если мавры разжились золотом и серебром, – заметил Минайя. – Это сильно подбодрило бы наших, да и для нас с тобой не лишним было бы.

Руй Диас с сомнением качнул головой:

– Вряд ли было что взять у тех, кого они ограбили.

– Это так. Но если поскрести... И потом, в Гарсиनावесе есть церковь. – Минайя злобной насмешкой скривил рот. – Или раньше была. А там уж найдется какое-нибудь распятие, потир там или еще чего...

– Дарохранительницы и прочее придется вернуть по принадлежности. В договоре, подписанном с магистратом Агорбе, значится такой пункт. Это во-первых. А во-вторых, так уж принято.

Минайя рассмеялся сквозь зубы:

– Не надо, Руй... Как будто в первый раз. Чаши, диски, потиры расплющить молотком да и сунуть в торока... В крайнем случае всегда можно будет свалить на мавров.

– Можно, разумеется.

– Ну ты сам знаешь... Магометане совершили святотатство.

Минайя снял с седла выдолбленную тыковку, в которой возил воду. Вытащил затычку и протянул эту флягу командиру, и тот, закинув голову, сделал глоток. Возвращая, долгим взглядом окинул своего помощника. Они хорошо знали друг друга и могли обходиться почти без слов. Вместе росли в Виваре, прыгали через заборы, разоряли птичьи гнезда, воровали с чужих огородов и дрались на деревянных мечях и копьях, лет с шести-семи учась убивать мавров. Потом они – в ту пору пажи – воевали всерьез: сперва – с арагонцами, а потом – с маврами из Сарагосы, с тех пор доля поровну все превратности военного счастья. Возвышение Руя Диаса, ставшего любимцем короля Санчо Второго, сказалось и на карьере Минайи – точно так же, как опала, постигшая обоих при короле Альфонсе Шестом. Минайя воспринял падение с безразличием, свойственным людям его происхождения и положения, которые владели тем лишь, что сумели отбить у мавров. Это они, неродовитые и неимущие дворяне, люди меча, охочие до хлеба и денег, постепенно отодвигали границу к югу, как об этом говорилось в песенке, которую часто распевали на привале, рассевшись вокруг костра:

Достатков нет? Седлай – и в стремя!

Воюй и в ус не дуй, как говорится:

Раздвинется Кастилии граница

Пред грудью боевого скакуна.

Минайя заткнул флягу пробкой и подвесил к седлу. С любопытством поглядел на своего командира:

– Чему ты улыбаешься, Руй?

– Ты упомянул про золото и серебро, и я вспомнил иудеев Бургоса.

– А-а, ну как же! – расхохотался помощник. – Славное было дело.

Было, подумал Руй Диас, но гордиться тут нечем. Но, как говорится, нужда припрет – и чёрта в оруженосцы возьмешь.

– Славное, славное, – продолжал похохатывать Минайя.

Чтобы снарядить и вооружить отряд и выступить с ним в поход, требовалось шестьсот марок золотом и серебром. За три недели до этого, сильно поиздержавшись, Руй Диас стал лагерем возле Арлансонского моста, где к этому времени уже собрались те, кто согласен был последовать за ним в изгнание. Он остро нуждался в деньгах и не знал, где найти их. Тут осенило Мартина Антолинеса – он сейчас был в Агорбе с остальным войском, – седеющего бургосца, давнего боевого товарища, который вопреки приказу короля Альфонса Шестого, рискуя навлечь на себя его гнев, грозивший потерей всего достояния, все же снабжал отряд хлебом, вином и вяленным мясом.

– Есть у меня несколько знакомых иудеев, – сказал он Рую, когда они прогуливались с ним по берегу реки и издали глядели на город, увенчанный замком на холме и колокольной собора Санта-Мария. – Их зовут Уриэль и Элеасар. Может, они сумеют помочь нашему горю... Только придется малость приврать, – добавил он.

– Малость – это сколько?

– В меру.

– Хоть иудеи, хоть нет, я слову своему не изменяю, Мартин. Ты ведь знаешь, я...

– Все знают, кто ты... – перебил его дружески Мартин. – Но ни о чем не беспокойся. Если придется нарушить слово, нарушим мое. Когда речь идет о евреях, я не столь щепетилен.

С этими словами он сделал еще несколько шагов, а Руй Диас погрузился в задумчивость. Он оглядел палатки, поставленные у реки, добровольцев, взиравших на него с гордостью и надеждой, и понял, что дело плохо. Невозможно будет справляться с этим воинством, если в кармане пусто. Они собрались под его знамя, они, как велит обычай, целовали ему руку, чтобы вместе с ним и следом за ним идти добывать себе хлеб насущный. И на нем лежит обязанность хлеб этот им дать.

– Ежели речь о том, чтобы деньгами разжиться, – со вздохом произнес он наконец, – то ложь – это военная хитрость. А ведь мы на войну идем.

– Вот и поручи это дело мне, Руй.

– Господи, прости нас...

– Простит-простит, не тревожься. Деньги-то там нужны, чтобы воевать богопротивного мавра, а потому Господь – на нашей стороне. Да и потом, такое уж у него ремесло – прощать христиан.

И затея Мартина Антолинеса, превосходно разбиравшегося в сути дела, удалась блестяще. Пользуясь именем и славой Руя Диаса, он отправил ростовщикам два железных запертых сундука, заполненных камнями и песком, и сказал, что там лежат драгоценности, дарохранительницы и прочее добро из наследства Химены, супруги Руя Диаса. Все это отдавалось в обмен на требуемую сумму с тем условием, что, если деньги не будут возвращены в оговоренный срок, займодавцы имеют полное право распоряжаться залогом. Антолинес поставил еще одно неременное условие: поскольку донья Химена – ревностная католичка, не говоря уж о ее чисто женской щепетильности, никто из потомков Авраама не имеет права прикасаться к содержимому сундуков, тем паче что во избежание этого замочные скважины будут залиты свинцом. Все это Антолинес изложил самым естественным тоном и, что называется, глазом

не моргнув и ни единым мускулом не дрогнув. Ростовщики удалились посоветаться, но уже через мгновение вернулись и сообщили, что согласны. В самом ли деле они поверили Мартину или ничего другого им не оставалось – теперь уже не важно: одиннадцать тысяч унций в монетах, которыми набили длинные мешки, перешли в руки Мартина. И таким вот манером пребывающий в рассеянии народ Израиля помог отряду Руя Диаса выступить в поход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.